The background of the cover is a dark, moody illustration. It features several large, detailed flowers in shades of pink, red, and cream. Intertwined with the flowers are green, thorny vines that curl and twist across the frame. Three large, dark brown feathers are scattered across the cover, each with a thick, golden-brown liquid dripping down its length. The overall atmosphere is mysterious and gothic.

18+

ДОМ
ЖЕЛЕЗНЫХ
ВОРОЮС

ОЛИВИЯ
ВИЛЬДЕЦШТЕЙН

Young Adult. Королевство воронов

Оливия Вильденштейн
Дом железных воронов

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вильденштейн О.

Дом железных воронов / О. Вильденштейн — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Королевство воронов)

ISBN 978-5-04-197038-3

Пока прорицательница не предсказала, что я стану королевой, мне даже в голову не приходило, что такое возможно. Я фейри лишь наполовину, с обычными ушами и без магических способностей. Правда, обладаю странным даром, хоть это и не волшебство, – меня любят все животные этого мира. В то время как чистокровные – ненавидят. Кроме одного. Принц Данте завладел моим сердцем с тех пор, как подарил мне первый поцелуй. Я отправилась в путешествие, чтобы выполнить условие предсказания – освободить пять железных воронов – и возглавить королевство вместе с Данте. Если бы только прорицательница предупредила меня, какого «демона» я выпущу в мир. И что стану им одержимой...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-197038-3

© Вильденштейн О., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Лючинский словарь	6
Словарь Воронов	7
Историческая хронология	8
Пролог	9
Глава 1	15
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	70
Глава 15	74
Глава 16	78
Глава 17	80
Глава 18	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Оливия Вильденштейн

Дом железных воронов

Olivia Wildenstein

HOUSE OF BEATING WINGS

Copyright © 2022 by Olivia Wildenstein All rights reserved.

© Прончатова А.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Лючинский словарь

Altezza – Ваше Высочество
bibbina mia – моя малышка/мой малыш/мой ребенок
buondia – добрый день /доброе утро
buonotte – спокойной ночи/доброй ночи
buonsera – добрый вечер
Caldrone – Котел
castagnole – обжаренное тесто, обвалянное в сахаре/кастаньоли¹
corvo – ворон
cuggo – двоюродный брат
cuori – сердце
dolcca – малышка
dolto/a – дурак/дура
furia – гнев/фурия/ярость
generali – генерал
Goccolina (Гокколина) – капля дождя/дождинка
grazi – спасибо
– ina/o – ласкательное окончание к именам
Maezza – Ваше Величество
mamma – мама
mare – море
mareserpens – морской змей
merda – дерьмо
micaro/a – моя дорогая/мой дорогой
mi cuori – мое сердце
nonna (Нонна) – бабушка
nonno (Нонно) – дедушка
pappa – папа
pefavare – пожалуйста
picolino/a (Пиколина) – малышка/крошка
piccolo – маленький/маленькая
princci – принц
santo/a – святой (-ая/-ое)/священный (-ая/-ое)
scazzo/a – уличный мальчишка/беспризорник (девчонка)/беспризорница/девка
scusa – прошу прощения/извини
serpens – змей
soldato – солдат
tare – земля
tiuomo – я люблю тебя
tiudevo – я должен(-а) тебе
zia – тетя

¹ Кастаньоли (итал. Castagnole) – разновидность итальянских пончиков.

Словарь Воронов

adh (aw – a) – небо

ah'khar (uh-kawr – а-кав) – возлюбленный (-ая)/любимый (-ая)

álo – привет

beinnfrhal (benfrol – бенфрол) – горная ягода

bilbh (beehlb – бихбл) – тупой (-ая)/глупый (-ая)

behach (bey-ock – би-ок) – маленький (-ая)

chréach (krehawk – крехауок) – ворон

cúoco (coowocko – кувоко) – кокос

éan (een – ин) – птица

focá – проклятие

ha – я

Ionnh (yon – ян) – мисс

khrá (kraw – крау) – любовь

Mórrgaht (morr-got – морргот) – Ваше Величество

mo – мой/моя/мое

o ach thati – о, но ты делаешь (являешься)

rí – король

rahnach (rawnock – раунок) – королевство

rih bi'adh (reebyaw – рибио) – Король Небес

siorkahd (shuhrkaw – шуркау) – круг

tà (taw – тау) – да

tach (tock – ток) – этот/эта/это

thu (too – ту) – ты

thu leámsa (too leh-awmsa – ту ле-авмса) – ты моя/ты мой

Tach ahd a'feithahm thu, mo Chréach (tok add a faytham thoo, mo kreyock – ток эд фэйтам ту, мо крейок) – Небо ждет вас, мои вороны

Историческая хронология

МАГНАБЕЛЛУМ²

Великая война разразилась 522 года назад между Королевством³ Люче и Королевством⁴ Шаббе.

Коста Реджио выигрывает войну и становится первым королем-фейри Люче.

ПРИМАНИВИ⁵

Битва произошла 22 года назад между лючинским горным племенем и фейри.

Сын Косты, Андреа, который правил Люче на протяжении последнего столетия, убит.

Сын Андреа, Марко, приходит к власти, выигрывает битву и становится королем Люче.

Расправь свои крылья и лети, Behach Ean.

² Слово сочетает два латинских слова: *MAGNA* (большая, крупная, великая) и *BELLUM* (война).

³ Королевство или владения короля (*англ. Kingdom*).

⁴ Королевство или владения королевы (*англ. Queendom*).

⁵ Слово сочетает два латинских слова: *PRIMA* (первый) и *NIVI* (снег).

Пролог

Узкие каналы порой кажутся стеклянными стенами, нерушимыми и непреодолимыми, разделяющими два мира: землю чистокровных фейри и землю полукровок. Даже океан, омывающий двадцать пять островов, подчеркивает разницу: в Тарекуори вода теплая, сверкающе-бирюзовая, в Тарелексо – холодная, грязно-сапфировая.

Я родилась не на той стороне канала, на темной стороне, в доме полукровок. Котел запрещает вслух нас оскорблять, а фейри из высшего общества гордятся своим прекрасным воспитанием, но я слышу, какими словами они нас оскорбляют, потому что нас разделяют каналы – не стены.

Голоса торговцев разносятся над артериям Люче, скользя по стеклянным мостам, увитым цветочными гирляндами, прежде чем разлететься по переполненному портовому рынку.

– Мы возьмем килограмм этих слив. – Бабушка, которую мы все зовем Нонной, кивает на деревянный ящик, наполненный желтыми фруктами размером не больше шарика.

Ее корзина доверху заполнена привозными продуктами, которые она планирует замариновать, чтобы нам хватило на две недели. В отличие от чистокровных, у нас не хватает денег, чтобы делать покупки на тарекуоринском рынке два раза в неделю.

– Мама предпочитает зеленые, Нонна, – говорю я. Моя корзина тоже полна, очень хочется ее поставить, но я опасаясь спрайтов⁶ – они те еще воришки, известные своей быстротой. Я повсюду за ними гонялась, но у них есть одно несправедливое преимущество – крылья. Пусть и не высоко, но они летают, а я нет.

– Ты любишь маленькие, Гокколина, к тому же для них нам не понадобится сахар.

Я смотрю на бабушку. У нее гладкое, как и у моей матери, лицо без намека на морщины и глаза цвета мха. У меня глаза фиолетовые.

– Не понадобится или нет денег?

Нонна зажмуривается на секунду.

– Не понадобится, Гокколина.

Насыпать бы ей соли на язык и заставить говорить правду, но я и так знаю, что она лжет. Пусть Нонна и чистокровная фейри, но по ее лицу видно, когда она пытается защитить меня от какой-либо жестокой правды, и магия тут бессильна.

Мимо нас проносится какая-то дама в изумрудном, задевает своей юбкой мой подол и задирает его. Я пытаюсь прикрыться корзиной и разгладить ткань на костлявых ногах. Жаль, домотканый хлопок нельзя натянуть до щиколоток.

Может, я и легкая, как капелька, но за лето я вытянулась, а мои огненно-каштановые волосы отросли. Теперь юбка доходит лишь до колен, что недопустимо для девочки двенадцати лет. На что сверстники не перестают указывать. Хотя директриса Элис и наказывает хихикающих девочек и глазающих мальчиков, но на прошлой неделе она вызвала Нонну, чтобы обсудить, во что я одета.

Подумать только, моя учеба в частной тарекуоринской школе зависит от длины юбки.

Я умоляла Нонну перевести меня в школу на Тарелексо, но она говорит, что это великая честь – учиться под одной крышей с членами королевской семьи. Думаю, она надеется, что близость к чистокровным восстановит репутацию семьи, хотя вслух говорит, что к репутации это не имеет никакого отношения, дело в традиции – все Росси до меня посещали школу Скола Куори.

Нонна упускает из виду, что все Росси до меня родились с заостренными ушами и магией.

⁶ Спрайт (*англ.* Sprit) – маленькое неуловимое сверхъестественное существо: эльф или пикси, часто с крыльями.

Лезвие скользит по моей щеке прямо над округлым ухом. Нонна ахает, с грохотом роняет корзину на мостовую и за плечи притягивает к себе.

– С каких это пор стражники поднимают мечи на детей? – Ее голос полон злобы.

Мужчина в белой форме вкладывает меч в кожаную перевязь, взгляд его янтарных глаз скользит по острым кончикам ушей Нонны.

– Церера Росси, твою внучку нужно подстричь.

– Ты планировал сделать это мечом, командор?

Стражник задирает подбородок, чтобы придать себе устрашающий вид.

– Уверен, ты бы этого не хотела. Я славлюсь не своими парикмахерскими навыками.

– Ты чем-то славись? – шипит Нонна, и от ее голоса волосы, обрамляющие мое лицо, развеваются. Волосы, которые, по-видимому, слишком длинные.

– Что ты сказала, Церера? – прищуривается стражник, он явно все слышал.

Нонна спокойна, поэтому я сдерживаю дрожь, только пару раз сглатываю. Особенно когда еще двое патрульных-фейри приближаются к командору Дардженто.

– Ее подстригут вечером.

Сильвий Дардженто щелкает своей треугольной челюстью:

– Я должен их измерить.

Мозолистая рука Нонны скользит по моим густым локонам.

– Но не станешь.

Их взгляды скрещиваются.

Нонна взвалила на себя заботы о помешанной дочери и внучке-полукровке, но, несмотря на все тяготы, ее взгляд столь же остер, как драгоценные камни, украшающие длинные тарекуоринские уши.

Я замечаю мельтешащие крылья. Два спрайта направились к рассыпанной добыче. Я кидаюсь спасать еду, которую не выращивают на Тарелексо. Спрайты подцепляют связку рябиновых веток и сообщая уносят ее.

– Не дам! – Я вскакиваю на ноги. Настоя рябины – единственное, что успокаивает маму, когда она становится беспокойной.

– Фэллон, нет! – выкрикивает Нонна мое настоящее имя – вместо прозвища, которым она стала меня звать, когда мама – я была тогда еще малышкой – в редкий момент просветления коснулась моего лба и прошептала: «Гокколина, моя капелька».

Я зигзагом пробираюсь сквозь толпу фейри, нагруженных экзотическими товарами, рассыпаюсь в извинениях. Воры сворачивают направо, и я несусь за ними по стеклянному мосту. Они поворачивают, и я тоже.

Один из них ударяется головой о навес магазина цветочных сладостей. Что-то бурча, крылатый вредитель снижается, увлекая за собой товарища.

Я бросаюсь к ним и хватаю связку веток, которые обошли нас в целый медяк.

Моя победоносная ухмылка исчезает, когда башмаки цепляются за причальный столб и я заваливаюсь, ударяясь плечом о проплывающую гондолу с фейри, вызывая их визг.

*Merda*⁷, слышу я перед тем, как с громким всплеском погрузиться в сине-голубую воду.

Ноги касаются песчаного дна неглубокого канала, волосы плывут вокруг лица, как спицы колеса. Меня сковывает страх, вода затекает в приоткрытый рот. Я смыкаю губы, задерживая дыхание.

Я раньше никогда не плавала – никто в здравом уме не плавает, кроме хищных существ, – я из рода водных фейри, и я отталкиваюсь от дна. Цепляюсь за борт гондолы и подтягиваюсь. Я уже собираюсь перекинуть ногу через борт, когда меня бьют по рукам веслом.

⁷ Merda – дерьмо (в пер. с лючинского).

– *Scazza*⁸, ты нас опрокинешь, отцепись!

Я смотрю на фейри, который только что назвал меня оборванкой и ударил. Он в кровь разбил мне костяшки пальцев.

Когда он снова замахивается, я разжимаю пальцы и погружаюсь обратно в воду. Я прижимаю руку к пульсирующей груди, потрясенная жестокостью этого мужчины, потрясенная тем, что из-за него истекаю кровью.

Течение меняется, отвлекая внимание от размытых очертаний гондольера над головой. Глаза жжет от соли, но я держу их открытыми и слежу за одним из зловредных созданий, обитающих в каналах. *Mareserpens*. Морской змей.

Я толкаюсь ногами и тянусь руками вверх и в стороны, скольжу к набережной. Кончиками пальцев касаюсь стены как раз в тот момент, когда змей с мерцающей розовой чешуей хватается меня за лодыжку и увлекает под воду.

Лица людей, которых я люблю, мелькают перед глазами – Нонна, мама, Сибилла, Феб и Данте, не так уж их много.

Я раскидываю руки, пытаюсь сбросить оковы. Хватка змея становится похожей на тиски, и я думаю, что она может запросто оторвать мне ногу.

Сердце уходит в пятки, я поворачиваюсь, сгибаюсь и бью по голове, скользящей вверх по моему телу. Со всхлипом, который звучит слишком по-человечески, змей отпускает лодыжку.

Змей в два раза длиннее меня, но не толще моего бедра, а рог цвета айвори⁹ на лбу – размером с шишку. Подросток, как и я.

Пожалуйста, пощади меня.

Сквозь толщу воды проступают лица людей, я вижу, как блестят глаза Нонны, вижу черную завесу ее волос, подстриженных так же коротко, как мои, хотя ей разрешено носить любую длину.

Ее рот открывается, но вода приглушает крики, сдавливает мое тело. Змей наклоняет удлиненную морду прямо к моему лицу, смотрит в упор обсидиановыми глазами. Как учил Данте, я прижимаю кулаки к подбородку, чтобы защитить самые уязвимые части тела.

Существо проводит раздвоенным черным языком по алым струйкам, стекающим по моим костяшкам, раздувая ноздри и наклоняя голову.

Морские змеи не питают особой любви к нашему виду, который безжалостно охотится на них, заманивая в металлические сети, сжигая огнем фейри и пронизывая копьями. Хотя ничего не пропадает даром – мясо жарят, из чешуи делают аксессуары для богачей, а рога перемалывают для эликсиров или выставляют как произведение искусства, – варварские убийства всегда приводили меня в бешенство. Смерть всех животных, больших или маленьких, опасных или ручных, вызывает у меня ярость.

Если бы только юный змей мог почувствовать, что я не желаю ему зла. Возможно, я могла бы показать ему. Или ей. Я разжимаю кулаки, широко разводя ладони, чтобы показать, что я безоружна. Морские змеи не различают эмоций, но они бесспорно умны.

Вода вибрирует от шума, пронзительных криков и громких голосов. Хотя чистокровные не умирают от потери крови, но все же никто не бросился мне на помощь. Зачем им это? У внебрачных детей незавидная роль, мы всего на одну ступень выше обычных людей. Наверняка некоторые зрители надеются, что змей утащит меня в Филиасерпенс – змеиное логово на глубине тысячи метров.

Когда его язык скользит по безгубой пасти, дрожь пробегает по всему моему телу, я теряю остатки кислорода. Я дергаюсь вверх, и голова оказывается на поверхности.

– Фэллон, Фэллон, – кричит бабушка.

⁸ *Scazza* – уличный мальчишка (девчонка)/беспризорник/беспризорница (в пер. с латинского).

⁹ Цвет айвори – это теплый оттенок светло-бежевого с выраженным желтоватым подтоном, цвет слоновой кости.

Хотя ее удерживают двое стражников, она отталкивает их с себя и падает на колени, тянется к моим ладоням.

– Гокколина, хватайся за меня!

Но розовый змей плещется между нами, не давая мне приблизиться.

Седовласый стражник, который держал Нонну, широко раскрытыми глазами переводит взгляд с меня на покрытое розовой чешуей существо. Он, наверное, удивляется, как я все еще жива.

Я задаюсь тем же вопросом.

– Катон, сделай что-нибудь! – кричит на него Нонна.

Он обнажает меч и поднимает его. Змей вцепляется мне в живот и тащит назад, в самое сердце канала, затем поднимает морду и шипит на Катона.

– Фэллон, – плачет Нонна.

Змей обвивает мое тело, и хотя мое сердце трепещет, я не осмеливаюсь пошевелиться. Едва осмеливаюсь дышать.

– Какого Котла делает эта змея? – восклицает мужчина-фейри на стеклянном мосту надо мной.

Тарекуоринская дама, одетая в красно-золотую парчу, прищуривается, наслаждаясь зрелищем.

– Играет со своей едой.

Я пытаюсь вывернуться, но змей оборачивается. Я замираю. Он не шипит, его язык просто высовывается и проводит по моему подбородку.

Он просто... он просто... *лизнул меня?*

Я хмурюсь, пытаюсь схватить его за шею, чтобы оттянуть, но снова его бархатный язык скользит по моему горлу к подбородку. Когда моя ладонь соприкасается с его чешуей, существо замирает, смотрит на меня, затем облизывает разбитую кожу на костяшках. Кожу покалывает, и на моих глазах раны начинают затягиваться. Ошеломительное ощущение.

Существо прижимает свой короткий рог к моей ладони, продолжая тереться об нее.

– Пробует ужин, – говорит дама, чья одежда напоминает шторы.

Но я не согласна. Я думаю, змей меня исцеляет.

Вместо того чтобы придушить его, я скольжу пальцами вниз по его втянутым спинным плавникам. Глаза змея закрываются, его длинное тело дрожит, вибрации проникают сквозь мою кожу, и, в свою очередь, дрожь пробирает и меня.

– Ты исцелил меня, – бормочу я в изумлении.

Его черные глаза открыты.

– Зачем тебе это делать? Я враг.

– Она с этим чудовищем разговаривает? – спрашивает женщина-штора.

– На каком же языке? – вторит ей сосед.

Пока они сплетничают, я глажу змея, и он подрагивает.

У морских змеев нет сердца, Фэллон. Они животные. Опасные и бесчувственные. Так говорила профессор флоры и фауны госпожа Десима.

Но у пойманного меня существа, должно быть, есть чувства.

Боковым зрением я вижу, как вспыхивают языки пламени.

– Наклонись вправо, – кричит командор, выставя вперед ладони, – иначе я и тебя с ним сожгу.

– Нет! – хрипло протестую я, но мой голос все же долетает до огненного фейри на мосту.

Змей застыл.

Я провожу рукой по его шее и шепчу:

– Уходи.

Не уходит.

Я отталкиваю его и повторяю. Он по-прежнему не двигается, но затем внезапно его тело, кольцом обернутое вокруг меня, обмякает.

– Что с тобой?.. – Мои слова превращаются во вздох, когда я замечаю, что Нонна шевелит пальцами, как будто дергает за ниточки марионетку.

Мост украшен цветочными лозами, и бабушка растит их, удлиняет, превращая в веревки, которые вьются вокруг безобидного змея и заманивают в ловушку. Змей скулит, когда Нонна вытаскивает его из воды.

– Нонна, нет!

– Сейчас же вылезай, Фэллон! – велит бабушка, ее лицо белее снега.

– Это не...

– Вылезай! – звонко приказывает она.

Я плыву к набережной. Зеваки неподвижны, как будто кто-то наложил заклятие на королевство и превратил всех в камень.

Я хватаюсь за скользкие булыжники и вылезаю из воды, ложусь на спину, чтобы отдышаться.

– Я в безопасности. А теперь отпусти его, Нонна. Пожалуйста.

Кровь сочится из тех мест, где лозы впиваются в чешую змея.

Я сажусь.

– Нонна, пожалуйста!

Она выходит из оцепенения, и лозы выпускают змея, который с тихим воем резко падает. Огненные прожилки покрывают ладонь командора.

– Какой магией владеет твоя внучка, Церера?

– Доброта. Это единственная магия Фэллон. – Нонна опускается на колени рядом со мной и обхватывает ладонями мои щеки, она не плачет, но в ее глазах светится страх. – Ты почти остановила мое бессмертное сердце, Гокколина. И из-за чего? Каких-то веток?

Веток, которые мне не удалось вернуть.

Я оглядываюсь в поисках рябины. Вялый змей тем временем лежит на песчаном дне, чернильная кровь вытекает из него, как краска.

Нонна хватается за подбородок и заставляет смотреть на себя.

– Никогда больше так не делай.

Она имеет в виду погоню за спрайтами, ныряние в канал или поглаживание змея? Вероятно, все вместе.

– Ты будешь оштрафована за использование магии, Церера, – щелкает пальцами командор.

Нонна не отвечает. Даже не смотрит в его сторону.

– Домой. Сейчас же. – Ни в ее тоне, ни в руке, которой она обнимает меня за талию, нет ни капли мягкости.

В тишине она тащит меня через рынок к нашим полупустым корзинам, разграбленным спрайтами или голодными полукровками. Она вешает их на локоть. Я пытаюсь помочь, но ее пронзительный взгляд останавливает меня. Нам добираться до одного из самых дальних островов.

Дома Нонна с грохотом ставит корзины на кухонный стол, опирается ладонями на толстую деревянную плиту. Она сгорбилась и тяжело дышит.

Я подхожу к ней и кладу руку на спину. Рыдание сотрясает воздух, проникает в самое сердце.

– Я в безопасности, Нонна. Пожалуйста, не плачь. Я в безопасности.

– Ты совсем не в безопасности, – огрызается она, глядя на потолок, туда, где на втором этаже комната, которую мама никогда не покидает.

– Он не причинил мне вреда, он исцелил меня. Смотри. – Я шевелю перед бабушкой пальцами.

Она отталкивает их.

– Я говорю не о змее, я говорю о командоре. – Ее торопливые слова разлетаются, как пылинки. – Он придет и заберет тебя.

– За то, что выжила в канале?

– Нет, Гокколина. За то, что зачаровала чудовище.

– Зачаровала? Я просто погладила его, Нонна.

– Ты когда-нибудь слышала о фейри, гладивших змей?

Нет. Я не слышала.

– Я фейри воды. Может быть, моя магия наконец проявляется.

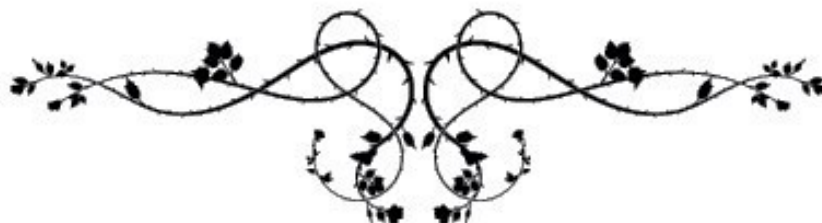
– Фейри воды могут управлять водой, но не зачаровывать зверей. – Она делает глубокий вдох. – Когда постучат королевские стражники, ты будешь настаивать на том, чтобы тебя накормили солью...

– Я могла бы просто облизать губы. – Я начинаю улыбаться. – Я вся ею покрыта...

– Ты будешь настаивать на том, чтобы тебе дали кристаллы, и как только они растворятся, ты скажешь, что была в ужасе. – Она обхватывает длинными пальцами мое лицо, причиняя боль. – Поняла?

Я прикусываю губу, ощущая вкус соленой воды из канала и бабушкиного страха, а затем делаю то, что хочет от меня женщина, которая меня вырастила.

Я даю ей слово, что буду лгать, потому что, в отличие от фейри, я способна на это.

Глава 1

10 лет спустя

Волосы у мамы невероятной красоты – до плеч, рыжие, как заходящее солнце, освещающее горы Монтелюче, на которые она целыми днями смотрит из кресла, которое покидает только перед сном.

Ни один фейри не обитает на скалистых вершинах, вечно окутанных облаками, но чисто-красные процветают по другую сторону опасного хребта, в пышных дебрях, простирающихся к океану и славящихся безмятежными бухтами, пышными джунглями и перламутровым песком.

Я никогда не ездила в Тареспагию, но там живут моя тетя Домицина и прабабушка Ксема. Вместе они управляют роскошным приморским поместьем, в котором любят гостить богатые фейри со всех концов трех королевств.

Хотя до нас всего полдня по морю, Домицина и Ксема никогда не останавливались в Тарелексо. Даже когда они отправляются в Изолакуори, навестить моего дедушку Юстуса Росси, главу королевской гвардии.

Все трое стыдятся меня.

Я еще раз провожу расческой по маминым волосам, стараясь не задеть кончики ее ушей. Хотя прошло уже двадцать два года с того момента, как дедушка закруглил их при помощи стального лезвия, узнав о ее беременности, она все еще вздрагивает от прикосновения к ним. Я точно не знаю почему – из-за боли или стыда. Поскольку она редко приходит в себя, я боюсь, что никогда не получу ответа.

Соленые порывы ветра поднимаются с солоноватого канала и задевают кроны высоких хвойных деревьев, примыкающих к горному хребту. В отличие от остальной части королевства, эта лесистая местность не имеет официального названия. Она известна только болотом, или Ракоччи на лючинском языке. Между собой мы называем его Ракс. Нас, фейри, предостерегают от посещения этого места, наполненного людьми, нищетой и беззаконием.

– Мама, ты когда-нибудь бывала в Ракоччи?

Мама, как всегда, не отвечает, просто смотрит на узкий остров с его военными казармами и пропускными пунктами, на материк за ним. Среди серо-зеленой листвы мерцают огни и отражаются от коричневой воды. Издалека они придают лесу очаровательный вид, но я слышала от стражников, патрулирующих болота, что в землях смертных нет ничего очаровательного.

Я кладу расческу на туалетный столик рядом с чайником свежезаваренного рябинового чая.

– Ты думаешь, там действительно так ужасно, как все говорят?

Под ее окном проплывает гондола с солдатами, остроконечные уши сверкают золотыми украшениями. Жители Тарекурина выбирают ограненные камни, солдаты же любят подбирать украшения под эфес их мечей.

Я улыбаюсь солдатам; они не улыбаются в ответ. У офицеров-фейри вечно мрачные лица, как будто они вот-вот ринутся в бой. Насколько я знаю, а знаю я довольно много благодаря работе с Сибиллой в таверне «Дно кувшина», наш народ уже больше двух десятилетий ни с кем не воевал, так что их мрачность не оправдана.

Мама что-то бормочет, но я не могу разобрать, потому что вслед за гондолой военных проскользнула еще одна – с фейри, которые, судя по громким голосам и вульгарному смеху, выпивали вино фейри. Один из них, мужчина с черными волосами до пояса, дерзко подмигивает мне.

Я качаю головой, прежде чем повернуться обратно к матери.

– Что ты сказала, мама?

– Пришло время.

Я хмурюсь:

– Для чего?

Мама широко распахивает глаза.

– Бронвен наблюдает.

Мурашки бегут по моей коже.

– Бронвен?

Голубые радужки глаз моей мамы, на четыре тона светлее моих фиолетовых, утопают в море белого.

– Бронвен наблюдает. – Она начинает раскачиваться взад-вперед, эти два слова безостановочно слетают с ее дрожащих губ.

Я обнимаю ее за плечи, присаживаюсь перед ней:

– Мама, кто такая Бронвен?

Ее ответ – все те же два слова.

Я отпускаю ее и наливаю чашку чая, затем подношу к ее губам, надеясь, что это ее успокоит. Может быть, Нонна знает, о ком идет речь.

Как будто почувствовав, что я думаю о ней, бабушка влетает в мамину спальню со стопкой простыней:

– Все в порядке?

Я заставляю маму выпить еще чая, и, как всегда, волшебный настой действует. Как только она перестает раскачиваться на стуле, я ставлю чашку и подхожу к креслу, чтобы помочь Нонне расправить ткань, пахнущую глицинией и солнечным светом.

– Мама говорила, что женщина по имени Бронвен наблюдает. Ты знаешь ее, Нонна?

Простыня выскальзывается из рук бабушки и скользит по матрасу в мою сторону.

– Я не имею ни малейшего представления. – Ее негнущиеся пальцы и расширенные зрачки говорят об обратном. Не поднимая на меня глаз, она заправляет простыню под матрас в одно мгновение.

Я смотрю на поднимающиеся над болотами завитки лавандового дыма от костров, которые люди разжигают, чтобы согреться ночью.

– Думаешь, это кто-то из жителей Ракса?

– Этот кто-то живет в голове Агриппины, вот и все.

Мое сердце болит за женщину, которая потеряла рассудок из-за отрезанных ушей.

Я ненавижу короля Марко за то, что он заставил моего дедушку наказать дочь, но еще больше я ненавижу дедушку за то, что он не сопротивлялся и не защищал свою плоть и кровь.

– Верно, но на этот раз в словах был смысл. – Интересно, эта Бронвен из Люче или из соседнего королевства? – Она также упомянула о том, что время пришло.

Нонна заправляет пуховое одеяло, пожелтевшее и истончившееся со временем, в кремовый пододеяльник, заштопанный во многих местах так, что напоминает топографическую карту.

– Фэллон Росси! – Мое имя гремит сквозь распахнутое окно маминей комнаты, сотрясая лозу глицинии, которая обвила три наши стены.

Я подбегаю к окну, на губах уже расцветает улыбка, потому что я узнаю этот голос, хотя не слышала, как он произносит мое имя, больше четырех лет.

Я кладу руки на подоконник, глядя на запрокинутое лицо моего гостя – его голубые глаза блестят, как утренняя роса.

– Ты вернулся! – легкомысленно выкрикиваю я, спутники принца ухмыляются, но меня не очень волнует, что они думают обо мне. Меня волнует, что обо мне думает Данте.

Я выросла, все время ожидая, что он откажется от меня, но этого не случилось.

– Ты еще красивее, чем я запомнил.

Я смеюсь, наблюдая, как гондольер – воздушный фейри – изо всех сил пытается удержать лодку от раскачивания, но это трудно, когда два пассажира ерзают на бархатных сиденьях, а третий стоит.

– Ты насовсем домой или только на помолвку брата?

– Насовсем.

Четыре года не прошли для него даром. Он раздался в плечах, лицо приобрело четкие очертания, а каштановые волосы, заплетенные во множество косичек, такие длинные, что теперь задевают украшенную драгоценными камнями рукоять меча, который висит на богато отделанной кожаной перевязи. Только голубые глаза и смуглая кожа напоминают о прежнем Данте.

Он показывает большим пальцем через плечо.

– Моя казарма находится прямо напротив вашего дома, синьорина Росси.

– Как удобно.

Я чувствую чье-то присутствие у себя за спиной. Поскольку мама не встает, я знаю, что это бабушка.

Данте кланяется:

– Синьора Росси, вы, как всегда, выглядите неземной.

Я фыркаю от его нежности.

– Добро пожаловать домой, *Altezza*¹⁰. Я надеюсь, что ваше путешествие на север было самым благоприятным.

– Так и есть, спасибо. Если когда-нибудь начнется война, у нас есть опытные союзники, на которых мы можем рассчитывать.

– Война начнется, – слышится тихий мамин голос, и все же он, должно быть, достигает ушей принца, потому морщина появляется на его гладком лбу.

Чистокровные обладают непревзойденным слухом.

Мои щеки пылают от стыда, надеюсь, Данте пропустил зловещий шепот мимо ушей, но на всякий случай я меняю тему:

– Я бы с удовольствием послушала о твоих приключениях, Данте.

Нонна цокает языком.

– *Princci*¹¹ Данте. – Я растягиваю звук «р» и закатываю глаза, потому что Данте в первую очередь – мой друг, а потом уже принц.

Мальчик, который убедил брата не забирать меня в замок для дальнейшего изучения в тот день, когда я говорила со змеей.

Мужчина, который подарил мне первый поцелуй в узком переулке в вечер перед отплытием в Королевство Глейс.

На темное лицо Данте падает солнечный луч.

– Я бы с удовольствием развлек тебя, дорогая Фэллон.

– Тогда найди меня, когда у тебя будет время.

– Где? – Он хватается за лакированный деревянный фальшборт¹², лодка сильнее раскачивается.

– Поспрашивай вокруг. Весь Люче знает, где трудится печально известная Заклинательница змей. – Я закрываю окно, а фейри воздуха уносит лодку от набережной.

Один из друзей Данте, должно быть, сообщил ему, где я работаю, потому что принц больше не улыбается. Я думаю, они забыли уточнить, что я обслуживаю желудок и печень посетителей, а не то, что ниже.

¹⁰ *Altezza* – Ваше Высочество (в пер. с лючинского).

¹¹ *Princci* – принц (в пер. с лючинского).

¹² Фальшборт – бортовое ограждение палубы на судне, корабле или другом водном транспорте.

– Он никогда не женится на тебе, Фэллон. – Слова Нонны стирают мою улыбку.

– Я не хочу выходить замуж.

– Ты хочешь стать его шлюхой?

Я скидываю голову, а рот кривится от отвращения. Я ничего не имею против женщин, которые продают свое тело – я считаю многих своими подругами, – но я никогда не сумела бы... *никогда бы не сделала этого*. Я уже достаточно опозорила семью, просто родившись.

– Он не король. – Я тереблю шерстяное покрывало, которое накинула на мамины исхудавшие ноги.

– Возможно, но принц не может жениться на простолюдинке. Особенно если он хочет сохранить свой титул.

Нонна смотрит на меня, но я слишком взволнована и раздражена, и...

– Фэллон, отдай свое сердце другому мужчине.

– Мое сердце никому не отдано, Нонна.

Ее вздох заменяет тысячу слов. Я уверена, мудрых слов, но я не в настроении выслушивать.

– Я опаздываю на работу, – говорю я и целую в щеку маму – не Нонну, проскальзываю мимо нее вниз по винтовой лестнице, в тень Тарелексо.

Нонна утверждает, что тени защитят меня, и, возможно, она права, но тени делают меня незаметной, а я хочу, чтобы Данте видел меня.

Глава 2

Фейри воды, не обладающая ни каплей магии, – жалкое существо, особенно когда живешь на островах, покрытых грязными лужами. Особенно в рыночные дни.

Западный причал занят моряками, выгружающими последние продукты, которые не продались в королевской гавани. Фрукты помяты, овощи с гнильцой, молоко прокисло, рыба с мутными глазами и мешки с зерном, кишасшие насекомыми, но полукровки и люди разберут все до наступления сумерек. Урчащие желудки не привередливы.

Я обхожу стороной вонючую жидкость, придерживая подол, чтобы юбка не испачкалась и не пришлось ее стирать. У меня целых три платья в гардеробе, но из-за отсутствия магии мне приходится отстирывать пятна вручную.

Стирка входит в список ненавистных обязанностей наряду со сменой простыней в «Дне кувшина», когда горничная-человек Флора сидит дома, ухаживая за каким-нибудь из своих двенадцати детей.

Таверна пользуется популярностью среди лючинских военных, да и многие благородные тарекуорины сюда заходят. Родители Сибиллы подумывали даже о второй горничной, но люди склонны к воровству и лжи, а у фейри, даже у полукровок, проблемы с доверием.

Я прохожу мимо трех моряков, укладывающих пустые ящики на судно, в котором нет ни изящества гондол, ни прочности рыбацкой лодки.

Один из них свистит, что заставляет двух других обернуться.

– Сколько еще ты будешь заставлять мое бедное сердце страдать, Фэллон Росси?

Я качаю головой, Энтони вечно что-нибудь выкидывает, но улыбаюсь – мне нравится его настойчивость.

– Неужели Берил и Сибилла снова тебе отказали?

Энтони увивается за каждой юбкой. Я слышала, что он переспал с половиной лючийских дам, будь то люди или фейри, и что он очень внимательный любовник. Но я романтичная натура, я хочу, чтобы мой первый любовник стал и последним, а я сомневаюсь, что для Энтони я буду последней.

– Никому из них я не предлагал выйти замуж.

Действительно. Потому что они были не против переспать с ним.

Энтони забегают вперед, шагает задом наперед, лицом ко мне, пока я пробираюсь по оживленной пристани к ярко освещенной таверне.

– Я уже почти накопил на жилье, – говорит он.

– Поздравляю.

Он останавливается, вынуждая меня тоже остановиться, и наклоняется надо мной, его глаза на красивом загорелом лице мерцают, как звезды.

– Я не шучу, Фэллон.

– И я тоже. Я искренне рада за тебя.

– Я имел в виду предложение руки и сердца. – От него пахнет рассолом и рыбьей чешуей.

– Ты хочешь жениться на мне только потому, что я отвергаю твои ухаживания.

Он проводит рукой по густым медовым прядям, обсыпанным морской солью, волосы вьются вокруг его округлых ушей.

– Я хочу жениться на тебе, потому что ты, безусловно, самая красивая и добрая девушка во всем Люче.

Я сжимаю руки в тяжелых складках моего темно-бордового платья.

– Лесть не заставит меня сказать «да», Энтони.

– А что тогда? Жемчуг? Я брошу вызов змеям в Марелюче, чтобы принести тебе драгоценности, если это то, что нужно.

Уголки моего рта опускаются, потому что его голос звучит серьезно.

– Не хочу, чтобы ты попал там в ловушку.

Хотя я не плавала с того рокового дня на рынке, но, когда никто не смотрит, я окунаю пальцы в оживленные воды канала и бормочу имя, которое дала розовому змею, израненному Нонной.

Он неизменно приходит.

Да. Он. Самцы крупнее самок, а Минимус¹³ огромен, что прискорбно, учитывая прозвище, которое я выбрала для него.

– Тогда новое платье? Я обращусь к торговцу, который продает лучшие шелка в Тареку-ори.

– Мою любовь нельзя купить, Энтони. Ее нужно завоевать.

– И как же завоевать твою любовь, Фэллон?

Военная гондола пристает к причалу. Я не могу удержаться и украдкой проверяю, нет ли Данте среди шестерых мужчин, которые высаживаются. Лучи света фейри, освещающие доки, отражаются в золотых пуговицах их униформы и серьгах в остроконечных ушах. Мой взгляд останавливается на знакомом лице – Катон.

Беловолосый фейри – частый наш гость. Я думаю, он приходит к Нонне, которую провожает взглядом при каждом удобном случае, но она настаивает, что он просто шпион моего дедушки. Юстус Росси, возможно, и не хочет иметь с нами ничего общего, но тем не менее следит за нами.

Энтони издает низкий горловой звук:

– Мундир? Должен был догадаться.

Я возвращаю свое внимание к рыбаку:

– Что «мундир»?

– Ничего. – Он пятится, плотно сжав губы. – Приятного вечера, Фэллон. – А потом Энтони бегом возвращается к друзьям.

Я хмуро смотрю ему вслед. Что он имел в виду, говоря о мундире? Неужели он думает, что я мечтаю выйти замуж за солдата? Потому что это не так. Я ни за кого не желаю выходить замуж.

Даже когда я думаю об этом, я чувствую вкус лжи, потому что есть мужчина, которому я бы сказала «да» не задумываясь, – Данте.

Я смотрю на палаточный лагерь. Я слышала, офицерские палатки прочнее и роскошнее, чем разноцветные дома на Тарелексо. Солдатам не разрешается приводить гражданских в свои казармы. Сибилла убеждена – они хотят скрыть от нас военные секреты, но она любит теории заговора почти так же сильно, как дразнить Феба за его мягкосердечность.

Когда я направляюсь обратно к таверне, слышу крики и улюлюканье и прирастаю башмаками к покрытой соляной коркой брусчатке. Бирюзовая змея выпрыгивает из канала и переворачивает ведро с рыбой. Мое сердце замирает, когда вижу сполохи магии и блеск мечей. Неистовая толпа готова растерзать и сжечь чешуйчатого захватчика.

Я выдыхаю хриплое «нет», которое теряется в вечернем шуме, делаю два торопливых шага к пирсу и замираю. Приказ Нонны скрывать привязанность к животным давит на мои легкие так же сильно, как косточки в корсете.

Я прижимаю ладонь к груди, пытаюсь сдержать учащенное сердцебиение, прежде чем оно привлечет чье-либо внимание. Покалывает затылок, сигнализируя о том, что я собрала вокруг себя зрителей. Надеюсь, их мало.

¹³ Минимус (лат. Minimus) – самый маленький, наименьший.

Я оборачиваюсь – на меня пристально смотрят Энтони и еще две женщины с сумками, полными овощей. С их губ слетает мое прозвище – Заклинательница змей. Я бы украсила этими словами свое тело, если бы не боялась из-за этого оказаться в их логове.

Интересно, о чем бы подумали люди, узнай они, что я нравлюсь не только змеям. Каждая кошка и ящерица в Люче знает, где я живу. Даже мыши, которых большинство фейри и людей выгоняют из дома метлами или магической воздушной волной. Я кормлю их крошками, глажу и прячу от Нонны.

Фейри почти не держат питомцев, а у людей часто бывают домашние животные. Вот почему я верю, что в Раксе не так уж плохо.

Всплеск заставляет меня повернуться обратно к каналу. Просто кто-то опорожнил ведро.

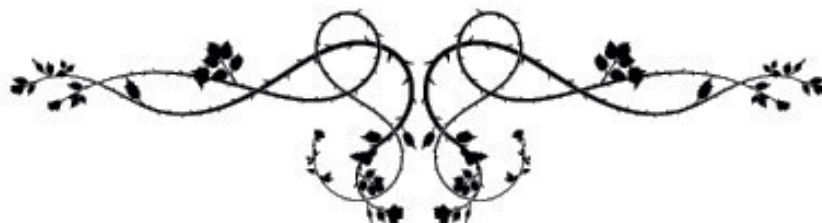
Я замечаю движение на ракоччинском берегу за военными казармами. Одинокая фигура стоит на черном песке, юбка трепещет вокруг ее ног. Она поднимает руку к своему тюрбану, как будто защищает от ветра. Несмотря на большое расстройство, мне кажется, я могу разглядеть, как блестят ее глаза.

Целую минуту я пристально смотрю на нее, и она ни разу не моргает. Она слепая? Я слышала, что люди часто страдают от разных недугов, поскольку их тела более хрупкие, чем наши, но тем не менее это тревожит.

Бронвен наблюдает.

Мамин шепот касается моих ушей, как будто она стоит рядом. Я подпрыгиваю и оглядываюсь через плечо. В надвигающихся сумерках рядом никого.

Когда я снова смотрю на другой берег, женщины уже нет.

Глава 3

Я наполняю кувшин игристым вином фейри до краев для командора Дардженто – я ненавижу его так же сильно, как стирку.

Вру. Я ненавижу его гораздо сильнее.

– Я могу отнести ему заказ после того, как проверю, свободна ли комната, – говорит Джиана, старшая сестра Сибиллы, и ставит блюдо на деревянную стойку.

У Джианы, как и у Сибиллы, очень светлые, серебристые глаза, которые кажутся еще светлее на фоне ее темно-коричневой кожи. Между сестрами разница в шесть десятилетий, но родители общие – редкость для Люче, где верность необязательна. Особенно учитывая, что чистокровные живут шесть-семь столетий, а полукровки – половину этого срока. Если бы я прожила так долго, я бы, наверное, устала от своего партнера.

Я смотрю в сторону круглого стола, за которым сидит командор.

– Я способна пересилить отвращение и поставить кувшин на стол, а не пролить содержимое на колени.

Сибилла выносит из кухни большую кастрюлю, от которой идет пар с ароматом тимьяна.

– Чьи колени ты хочешь облить вином? – спрашивает она и добавляет со смешком: – Представь, как бы ты разбогатела, если бы брала с него медяк каждый раз, когда он прикасается к тебе.

– Он все еще так делает? – спрашивает Джиана и пристально смотрит, как командор Дардженто, Катон и с ними еще трое высокопоставленных чиновников уничтожают кабанятину.

Я хватаю кувшин за ручку:

– Если бы я начала взимать плату с постоянных посетителей за то, что они прикасаются ко мне, я бы купила особняк в Тарекуори.

Сибилла хихикает, а Джиана нет. Она все еще сердито смотрит на командора, который вытирает жир с острого подбородка.

– Все в порядке, Джиа.

– Ничего не в порядке, – качает она головой и переводит взгляд на меня. – *Caldrone*¹⁴, как я ненавижу это место.

– Нет, ты просто ненавидишь его посетителей, – говорит Сибилла и уходит.

Джиана вытирает тарелку.

– Наши посетители – животные.

– Животные добры, – говорю я. Она смотрит на меня снизу вверх, и мне хочется ущипнуть себя. Хотя Джиана никогда не осуждала меня, считается, что полукровки любят своих животных только зажаренными под ароматным соусом.

– Ты права. Наши посетители хуже.

– Не обобщай, Джиа. Среди нас есть замечательные экземпляры, – говорит Феб, светло-волосый фейри, и ставит локти на стойку.

– Не видела тебя всю неделю, Фебс, – улыбаюсь я. Он мне симпатичен.

Он сцепляет пальцы вместе и кладет их на затылок, потягивается. Наверное, только что проснулся. Мой друг – ночной житель.

– Семейные делишки, – говорит он.

Я хмурюсь, потому что Феб ненавидит свою семью. Он переехал из Тарекуори в Тарелесо, как только мы закончили школу.

– Какие делишки?

– Флавия только что обручилась.

¹⁴ Caldron – Котел (в пер. с лючинского).

– Твоя сестра обручилась? С кем?

– С чистокровным.

– Которым из них? – Не то чтобы я знала *всех* в Люче, но остроухие люди составляют двадцать процентов нашего населения, и после учебы в единственной школе в Тарекуори я так или иначе слышала о большинстве семей.

– Викторий Сурро. – Феб произносит это имя с таким отвращением, что я не могу удержаться от улыбки.

Несмотря на то что сам Феб остроухий, он ведет себя так, будто уши у него круглые. Иногда я боюсь, что своим поведением он заработает железную расправу, которой подверглась моя мать, но, несмотря на всю свою наглость, Феб чист сердцем и духом.

Я киваю в потолок:

– Твой будущий зять в настоящее время занимает комнату прямо над нами.

Феб следит за моим взглядом, его зеленые глаза тускнеют.

– Ржавый Котел.

Я ухмыляюсь и несу вино к столу командора. Я стараюсь держаться рядом с Катонем, которому по крайней мере доверяю.

– Господа, вам понадобится что-нибудь еще? – спрашиваю я.

Командор скользит по мне своими янтарными глазами. Прыгнуть бы в канал, чтобы смыть его плотоядный взгляд, но я расправляю плечи и натягиваю улыбку на лицо.

Он откидывается на спинку стула, заставляя деревянные перекладки скрипеть. Тело у него крупное, мускулистое. Если бы он не был невоспитанным подхалимом, я бы даже восхищалась его фигурой, но для меня важнее характер, а характер командора такой же гнилой, как фрукты, что продаются на пристани.

– Ты знаешь, что Юстус о тебе думает? Что ты здесь не только вино подаешь, синьорина Росси.

Катон вздрагивает.

Не знаю.

– Дедушка верит во многие ужасные вещи обо мне. Из-за моих ушей, полагаю, – улыбаюсь я Сильвию, потому что нет ничего сильнее улыбки. Мужчины сразу теряются, зато у них масса идей, что делать при виде румянца. – Я надеюсь, вы объяснили ему, что единственные бедра, которые я массирую, – это кабаны, которые вы так любите, командор.

Мне не смешно, а вот уголки губ Сильвия приподнимаются.

– Ты должно быть хорошенько их массируешь, потому что они невероятно нежные, – шутит он в ответ.

Так мне и надо.

– Если это все...

– Церера одобряет твою работу? – Он склоняет голову набок, как будто пытается заглянуть мне за спину, но его глаза прикованы к моим, так что, возможно, он пытается увидеть нечто внутри меня.

– Почему бы и нет? Марчелло и Дефне относятся ко мне как к собственной дочери. Кроме того, моя бабушка поощряет финансовую независимость.

Один из его соседей по столу фыркает. Для всех наших продвинутых мыслителей лючинские женщины – второй сорт.

– И ты добила ее? – Губы Сильвия блестят от свиного жира.

С живыми кабанами я еще не общалась, они живут только в дебрях Тареспании, и встречались они мне только в разделанном и засоленном виде, но я уверена – их общество понравилось бы мне больше, чем общество Дардженто.

– Итак, синьорина Росси, – Сильвий медленно облизывает губы. – Ты финансово независима?

Поскольку он знает, что это не так, я не утруждаю себя ответом.

– Что-нибудь еще? – Мой голос больше не сладкий, как мед, а терпкий, как золотистые сливы.

– Нет. Спасибо, Фэллон, – кивает мне Катон, как всегда вежливо.

Порыв ветра касается кожи, объявляя о приходе нового клиента. Должно быть, кто-то очень важный, думаю я, увидев, как проститутки, сидящие на коленях у потенциальных клиентов, перестают нашептывать сладкие пустяки в их заостренные уши.

– Любимый принц Люче вернулся. – Сильвий все еще сидит, откинувшись назад, но, к счастью, его взгляд больше не направлен на меня.

Я оборачиваюсь и вижу Данте, закрывающего вход в таверну, золотые украшения, закрепленные тут и там в густых косичках, мерцают так же ярко, как и пуссеты в его длинных ушах.

– Пожалуйста, – он вскидывает руку в воздух, – не прекращайте веселиться из-за меня.

Шум нарастает, как и мой пульс, когда наши взгляды встречаются и он улыбается. Я направляюсь к нему, сердце бьется так быстро, как крылья спрайта. Я собираюсь сказать, что он *нашел меня*, но что, если его визит в таверну не имеет ко мне никакого отношения?

Эта мысль отрезвляет.

– Добро пожаловать в «Дно кувшина», *Altezza*.

Его друзья – злой рыжеволосый Таво и уравновешенный светловолосый Габриэле – подходят сзади, обшаривая взглядом толпу: первый – в поисках веселья, второй – неприятностей.

Как всегда, я заколола волосы, чтобы они не лезли в глаза и не падали на шею, но когда я стою перед Данте, а он внимательно смотрит на меня, я сожалею о прическе, ведь из-за нее форма ушей еще заметней.

Я борюсь со смущением. С каких это пор меня это волнует? Не волнует. Как и Данте, иначе он не нанес бы мне визит.

– Вас трое?

– Да.

Оторвав взгляд от объекта моей одержимости, я веду их к столику рядом с командором в задней части таверны, в зоне, отведенной для самых уважаемых гостей, которую можно отгородить тяжелой бархатной занавеской, если того пожелают посетители.

– Когда ты начала здесь работать, Фэл? – спрашивает Данте. От его тела исходит тепло, которое опалает мою оголенную кожу.

– После окончания школы. – Я сосредоточиваю свое внимание на полу, чтобы не споткнуться о чьи-то вытянутые ноги или не наткнуться на блуждающую девицу.

Мужчины за столом командора встают, даже Сильвий, и кланяются.

– Вольно. – Данте, должно быть, стоит прямо позади меня, потому что его теплое дыхание дразнит мою шею, когда он шепчет: – Я надеюсь, ты позаботишься о нас, Фэллон.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

– Ну, это моя работа.

– Твоя единственная работа? – Его приподнятая бровь передает смысл сказанного.

– Да, Данте. Моя *единственная* работа. Я оставляю очаровательных мужчин профессионалам.

– Хорошо. – Его ответ такой же мягкий, как и предшествующая ему улыбка.

Пока мы вот так стоим рядом, пока его глаза удерживают мои, толпа расплывается, как в калейдоскопе. Он облизывает пухлую нижнюю губу, и это переносит меня мыслями в прошлое, в тот темный переулочек, где сбылась моя детская мечта.

Тонкая рука обхватывает меня за талию – Сибилла.

– Выглядишь блестяще, Данте. – Ее голос грубо возвращает меня в теплую таверну. – Я удивлена, что твои уши еще не начали отвисать под тяжестью такого количества золота.

Данте отпускает мой взгляд, улыбается Сибилле.

– И я удивлен, что твой язык не раздвоился от такого количества шуток.

Она откидывает голову назад и смеется, в то время как я все еще под впечатлением от принца, чтобы даже хихикнуть.

– Что сегодня в меню, Сиб?

– Основное блюдо – жареный кабан с айвой, на выбор – тушеный тюрбо или лингвини¹⁵ со знаменитым на все королевство маминым соусом из баклажанов и сливок.

Он оглядывается на друзей, которые уже уселись, откинувшись назад и широко расставив ноги.

– Мы возьмем по одному каждого. Сделайте большие порции. Дорога домой была изнурительной.

Таво присвистывает, когда Берил, одна из любимых проституток-полукровок, проходит мимо стола. Он обхватывает ее за талию и тащит к себе на колени, ее пышные груди подпрыгивают. Если бы он рискнул проделать со мной подобное, я бы его укусила, но милая Берил просто хихикает. Она смеется, и его рука исчезает под гофрированной спереди юбкой, которая открывает вид на ее стройные ноги.

– Скоро все подадим, – говорит Сибилла и с силой тянет меня назад, но я упираюсь, когда острый аромат роз ударяет мне в нос.

Подобно змее, почуявшей кровь, Катриона скользит к принцу. В отличие от других местных девушек, она куртизанка. Другими словами, вместо медяков она берет серебром, и, вместо того чтобы разгуливать полуголой, она не выставляет товар напоказ, пока не заплатят.

Ее украшенные драгоценными камнями ногти царапают белый мундир, облегающий мускулистую грудь Данте, золотую отделку его стоячего воротника.

– Добро пожаловать домой, *Altezza*.

Хотя я восхищаюсь Катрионой за то, что она добилась всего сама, в данный момент мне хочется затянуть на ее шее кружевной чокер, который она подобрала к своему бордовому платью.

Пальцы Сибиллы предупреждающе впиваются в мою талию. Хорошо, что у меня нет магии, иначе я бы призвала кувшин с водой и опрокинула на блестящие светлые локоны.

– Катриона, – предупреждающе произносит Данте.

Мой гнев стихает.

Хотя Катриона была со многими, я точно знаю, что она не была с принцем, потому что ее рот такой же развязный, как и ее тело. Иногда я удивляюсь, что мужчины все еще хотят с ней переспать, учитывая ее склонность к сплетням, но Катриона считается лучшей в Люче, а чистокровные полагают, что заслуживают только лучшего.

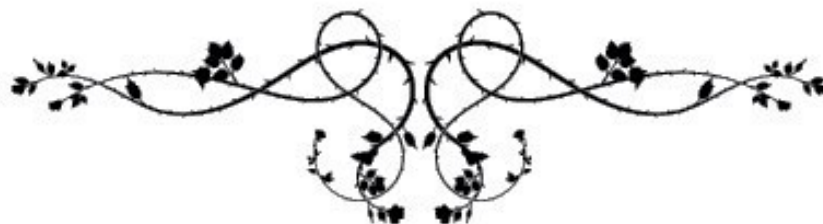
Я сжимаю зубы, когда она шепчет что-то на ухо Данте – это занимает все его внимание, он смотрит на их сцепленные руки. Возможно, он и не хотел, чтобы прикасались к нему, но, по-видимому, не против сам прикоснуться к ней.

Ревность снова сдавливает мою грудь.

– Фэллон, – шепчет Сибилла. – На кухню. Сейчас же.

На этот раз, когда она дергает меня назад, я не сопротивляюсь.

¹⁵ Тюрбо – рыба из семейства камбаловых из Средиземного моря; мясо отличается своим нежным вкусом. Лингвини – длинная плоская лапша.

Глава 4

– Фэллон! Он это сделал! Он это действительно сделал! – Феб, спотыкаясь, врывается в мой дом вслед за своими громкими воплями.

Я поднимаю взгляд от кожуры репы, разбросанной по кухонному столу.

– Кто и что сделал?

– Данте. Он пересек канал!

Мое сердце подпрыгивает к горлу, потому что канал между Изолакуори и Тарекуори проходит над Филиасерпенс, подводной впадиной, в которую бросают предателей. Морские змеи без зазрения совести хватают их и утаскивают прочь.

Поскольку фейри могут умереть только от глубокой старости или от обезглавливания стальным клинком, я полагаю, что многие лежат на линии разлома, без сознания, но живые, пока с них сдирают плоть, которая не успевает восстановиться, поедая живьем. Это безжалостная пытка, которой король угрожал Нонне, когда она выбрала мою маму, а не моего дедушку.

До сих пор она не рассказала мне, как ей удалось сбежать. Иногда я поднимаю этот вопрос, но это портит ей настроение, поэтому я не настаиваю.

– *Dolto*¹⁶. – Осуждение слетает с губ Нонны, и она с удвоенной силой принимается кромсать тощую сморщенную морковь.

Я хочу сказать, что Данте не идиот, но разве это правда? Он рисковал жизнью ради трона, который его брат унаследовал после битвы Приманиви два десятилетия назад, Марко ждал целое столетие, чтобы его занять. Не думаю, что он уступит его.

– Это обряд посвящения для королев, Церера, – напоминает Феб моей бабушке, хотя я сомневаюсь, что она забыла. – Теперь Данте может законно занять трон.

Его зеленые глаза устремляются к открытой двери, чтобы проверить, не подслушивают ли нас, так как желать королю несчастья – предательство, которое может привести в Филиасерпенс.

Поскольку наш лазурный дом примыкает к юго-западной окраине Тарелексо, у нас только два соседа, и сейчас один на работе, а второй в школе.

– Разумеется, в случае если с его братом что-то случится, – добавляет Феб. – Упаси Котел.

Я поклялась соляной клятвой Фебу и Сибилле, что, если кого-нибудь из них когда-нибудь бросят в Филиасерпенс, я прыгну с ними, потому что так поступают друзья, особенно из числа заклинателей зверей.

Феб барабанит пальцами по дверному косяку.

– Ну, ты идешь или как?

Я встаю так резко, что мои колени ударяются о стол. Я делаю шаг к нему, но затем бросаю взгляд на Нонну.

– Ты идешь, Нонна?

– Чтобы стать свидетельницей того, как гордый мальчик становится высокомерным мужчиной? Я откажусь. – Глаза бабушки прикованы к коже цвета ржавчины, которая скручивается, падая на покрытый царапинами стол.

– О Нонна. Данте совсем не похож на своего брата. Марко не дружит с полукровками. А Данте...

– Давным-давно у короля Марко было много знакомых полукровок. Власть меняет людей. Никогда не забывай об этом, Фэллон. И ты тоже, Феб.

– Да, синьора.

¹⁶ Dolto – дурак (в пер. с лючинского).

Я не могу представить, чтобы суровый и безжалостный король фейри когда-либо дружил с круглоухими, но Нонна живет уже три столетия, а король Марко – всего полтора. Она знала его задолго до того, как корона из золотых солнечных лучей украсила его голову.

– Фэл-лон. – Феб произносит мое имя и постукивает своим коричневым ботинком. У него много достоинств, но терпение не входит в их число.

– Иду! – Я засовываю ноги в башмаки, затем выбегаю вслед за ним.

Мы бежим по узким мощеным улочкам и по деревянным мостам Тарелексо к широким, залитым солнцем дорогам и стеклянным мостам тареокуринских островов, где цветы ярче, а воздух чище.

Двадцать минут спустя мы врываемся в восточную гавань и прокладываем себе путь сквозь толпу людей, пришедших поаплодировать мужеству принца. Воздух наполнен волнением и спрайтами. Некоторые одеты в шелка и кожу в тон одежды хозяев и парят над их головами; другие, вольные, возбужденно жужжат над резвящейся бирюзовой поверхностью Марелуче, оставаясь достаточно высоко, чтобы не стать змеиной закуской.

Вонь теплой крови и рыбьих потрохов смешивается с цветочными и цитрусовыми ароматами, текущими из квартала чистокровных. В отличие от нашей убогой пристани, мостовая здесь натерта до серебряного блеска, и поскольку сегодня не торговый день, я озадачена тошнотворным запахом.

– Посмотри на размер, мама. – Человеческий ребенок протягивает толстый белый стейк, который занимает две его ладони и блестит, как его бритая голова.

Его мать прикасается ко рту:

– Боги, благословите *Princci* Данте.

Моя ладонь тоже касается рта, но не в знак благодарности. В ужасе. Потому что белая мякоть покрыта розовыми чешуйками.

Я отступаю назад, забывая, что окружена, и в итоге отдавливаю кому-то ноги. Раздается недовольное бормотание, а затем толчок.

– Фэллон? – хмурится Феб. Он перехватывает мою руку, сжимающую колючую ткань юбки. – Что на тебя нашло?

Я сглатываю, но слюна не может проскользнуть сквозь комок горя, набухающий в моем горле. Феб не знает о моей дружбе с Минимусом. Никто не знает, что я встречаюсь со змеем каждую ночь, чтобы накормить его объедками и погладить его чешую и красивый рог.

Никто не должен знать.

И теперь никто никогда не узнает, потому что...

Моя нижняя губа начинает дрожать. Я прикусываю ее верхними зубами.

Я слышу, как мое имя снова срывается с губ Феба, но не могу ему ответить. Моя тоска слишком сильна, слишком ужасна.

– Фэллон, что...

– Кто? Кто убил его? – шепчу я.

– Его?

– Если вы уже получили кусок змеиного мяса, пожалуйста, отойдите назад, чтобы другие тоже могли получить королевское подношение! – рывкает охранник из центра толпы.

Когда люди переминаются с ноги на ногу, я замечаю отблеск золота на каштановых косах, отточенный взмах руки, покрытой плотью, отливающей бронзой от пота и морской воды, блеск широкого серебряного мачете, опускающегося на то, что осталось от туловища зверя.

Я хочу убежать.

Я хочу плакать.

Вместо этого я убираю руку от дрожащих губ, вырываю свои пальцы из хватки Феба и проталкиваюсь сквозь стоящих передо мной фейри и полукровок.

За эти годы я очертила каждый белый шрам на теле Минимуса. У него их пять – четыре из-за лоз Нонны и один из-за рога соплеменника змея.

Я знаю их наизусть, потому что я глажу эластичную плоть без чешуи каждый раз, когда мы встречаемся, желая, чтобы у меня была сила исцелить его, как когда-то давно он исцелил меня.

Катон стоит перед принцем, сдерживая толпу. Когда он замечает, что я приближаюсь, то едва заметно качает головой. Неужели он думает, что я причиню Данте вред за то, что он убил животное? Несмотря на отчаяние и отвращение, я могла причинить фейри или человеку вреда не больше, чем зверю.

Феб кладет ладонь мне на поясницу и наклоняется к уху:

– Пойдем.

Хотя я благодарна ему за поддержку, я не могу уйти.

Прежде мне нужно увидеть.

Я скольжу взглядом по останкам мертвого змея, выискивая шрамы среди розовой чешуи, но не нахожу их. Я еще раз обхожу трубчатое тело – на всякий случай. Хотя этот змей такой же длины и толщины, как Минимус, это не Минимус. Слезы облегчения и стыда за то, что мне стало легче, текут по моим щекам.

Я смахиваю их, молясь, чтобы никто не увидел, но Данте смотрит на меня.

Подавляя эмоции, я собираюсь отвернуться, как раз когда гондола причаливает рядом с принцем и королевский целитель фейри – гигантский мужчина, одетый в свои обычные черные одежды, – выходит из лодки.

Данте передает нож для разделки мяса одному из многочисленных стражников, идет к целителю, который стоит так близко ко мне, что я могу сосчитать количество золотых колец в длинном ухе – тридцать. Каждое кольцо украшено целебным кристаллом, который он трогает пальцами, чтобы извлечь эссенцию, когда работает с пациентами.

Данте наблюдает за мной, его лоб пересекает морщина. Как и Феб, он, должно быть, чувствует мою боль, поскольку знает, что я не выношу жестокого обращения с животными. Он медленно поворачивается, подставляя спину целителю. Кровь сочится из глубокой раны под его лопаткой и стекает по позвоночнику.

– Зверь напал на меня первым. – Данте не произносит моего имени, но я знаю, что его слова обращены ко мне.

Глаза щиплет, но я не жмурюсь и смотрю на рану.

Данте был ранен первым.

«Он был ранен первым», – повторяю про себя.

Когда я оглядываюсь на безжизненного змея, сердце болит меньше. По правде говоря, мое сердце болело меньше с того момента, как я поняла, что это не Минимус.

Эгоистка.

Я такая эгоистка.

Целитель сжимает огненно-красный кристалл и проводит ладонью по спине Данте, пока темно-бронзовая кожа моего принца не начинает покрываться паром и заживать. Когда все завершилось, целитель кланяется Данте. На обратном пути к своему судну он задерживает на мне взгляд.

Он что, шпионит для Юстуса Росси? Ищет, в чем меня можно уличить?

Я отворачиваюсь, прежде чем он успеет что-либо прочесть в моих глазах, и смотрю на жемчужину Люче – замок Реджио из стекла и мрамора, окруженный прозрачными каналами и золотыми мостами. Замок на острове *Изолакуори*. Бьющееся сердце нашего королевства.

– Феб. – Данте кивает моему другу, сжимая окровавленные пальцы в кулаки. – Забери Фэл отсюда.

Рука Феба скользит по моей талии.

– Я этого и хотел.

Когда мы пробираемся обратно сквозь голодную толпу, Феб долго и глубоко вздыхает, прежде чем поцеловать меня в макушку.

– Когда-нибудь твое сердце доставит нам столько неприятностей, – говорит он.

– Нам? – я поднимаю свои покалывающие глаза.

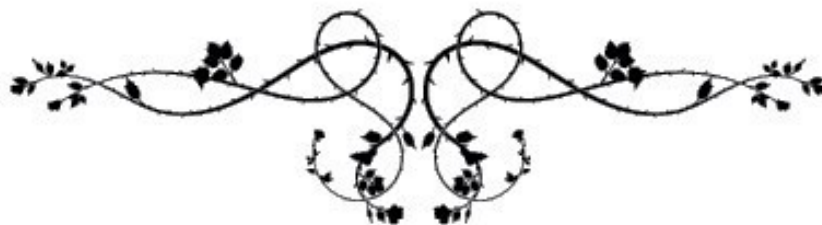
– Да. *Нам*. Тебе, мне и Сиб. К лучшему или к худшему. На всю оставшуюся нашу очень долгую жизнь. Помнишь? Мы дали клятву и обменялись кровью.

Боги, я люблю этого парня. Обнимаю его за талию, прижимаюсь к нему. Как только мы отделяемся от толпы, я говорю:

– Нонна была не права.

– В чем?

– В том, что переход через канал изменит Данте, сделает хвастливым. Во всяком случае, он казался раскаявшимся, что укрепляет мою веру в то, что власть меняет не всех мужчин.

Глава 5

Дни проходят без новых убийств змеев. А также без Данте. Надеюсь, моего принца удерживает вдали надвигающаяся помолвка Марко и другие важные обязанности, а не любовные свидания.

Воспоминание о пальцах Катрионы, пробегающих по его смуглой коже, повергает меня в уныние всякий раз, когда я недостаточно занята, поэтому я намеренно нагружаю себя работой или помогаю Нонне с домашними делами. Или погружаюсь в книги.

Чтение было одним из любимых занятий моей матери, и, возможно, из-за этого оно стало любимым и для меня.

– И они жили вместе, счастливые, дикие и свободные, – дочитываю я книгу в кожаном переплете, историю о двух фейри из враждующих королевств, которые преодолели разногласия и отказались от своих убеждений, чтобы быть вместе.

Страницы истончились от того, как часто я их перелистывала, шелковая нить, скрепляющая страницы обложки, начала распускаться. По словам Нонны, «Сказка о двух королевствах» была самой любимой маминой книгой. Я не знаю, правда ли это, потому что она никогда не показывает эмоций.

– Опять эта? – Нонна всегда усмехается, когда заходит в спальню во время чтения. – Разумеется, она стала и твоей любимой.

Нонна называет меня мечтательницей, но с чем я остаюсь без мечтаний? С мамой, которая отдала свое тело недостойному мужчине, и бабушкой, которая отдала свое сердце карателю? Реальность разбивает сердце. По крайней мере у меня есть родители Сиб. Их любовь – это нечто прекрасное.

Сибиллу огорчает моя одержимость романтикой, она говорит, что у меня нереалистичные ожидания. Иронично слышать это от девушки, чья семья – воплощение мечты, но те, у кого все есть, часто не замечают своей удачи.

– Бронвен наблюдает. – Шепот слетает с маминых губ как раз в тот момент, когда я кладу книгу на ее маленькую полку, рядом с гладким камнем, на котором вырезана буква В.

– Кто такая Бронвен, мама?

Я подхватываю камень, провожу большим пальцем по бороздкам, подхожу к окну и смотрю на коричневый канал, который блестит золотом в лучах заходящего солнца. Мой большой палец замирает, потому что я вижу, что под кипарисом стоит женщина в тюрбане и платье, таком же черном, как и тени, окутывающие ее.

Может быть, это та самая синьора, которую я заметила на пристани несколько ночей назад?

Телосложение и одежда такие же. Я прищуриваюсь, чтобы разглядеть ее черты в темноте, но гондола, проплывающая под моим окном, отвлекает мое внимание на себя. Я чувствую на себе мужские взгляды, слышу, как один спрашивает, буду ли я сегодня в «Дне кувшина», он-то, по-видимому, будет.

Я хочу отогнать гондолу.

К тому времени как она скрывается из виду, исчезает и женщина.

Я сжимаю в руках маленький камешек.

– Та леди на берегу – Бронвен, мама?

Тишина.

– Мама? – Я машу рукой перед ее лицом, но она ушла в свой израненный внутренний мир.

Вздохнув, я возвращаю камень на полку. Рассматриваю гравировку, задаваясь вопросом, что может означать буква В или, скорее, кого? Я нашла камень в кармане одного из маминых

платьев, когда выросла достаточно, чтобы носить ее вещи. Сказала Нонне, что камень мой, чтобы она не выбрасывала его.

Дело не в том, что бабушке не хватает сочувствия, это не так; она просто считает, что вещи из прошлого навредят маме, поэтому старается скрыть их от нее.

Маленький камень расплывается, когда я представляю женщину в тюрбане из Ракса. Должна ли я пойти к ней? Идея путешествия в земли смертных и ужасна и заманчива. Нонна никогда бы меня не отпустила, но мне двадцать два. Мне не нужно ее разрешение. Что мне нужно, так это деньги и пропуск, чтобы сесть на паром, который ходит между пристанью и болотами.

Деньги у меня есть, но пропуск будет трудно достать. В конце концов, мне нужна веская причина, чтобы посетить Ракоччи, я не могу сказать стражам фейри, отвечающим за выдачу пропусков, что я ищу женщину по имени Бронвен.

Они донесли бы дедушке, а тот не только отказал бы, но и велел Нонне, чтобы та приструнила свою внучку.

Я улавливаю всплеск, мелькание желтого змеинового хвоста, и мой пульс подскакивает, как потревоженная вода.

Я могла бы позвать Минимуса, схватить его за рог, чтобы переплыть с ним. Но что, если вместо этого он унесет меня в свое логово? Нет, он наверняка встал бы на мою сторону. Что, если он этого не сделает? Что, если он бросит меня на полпути? Схватит ли меня один из его змеиных собратьев?

Но появляется идея получше. Та, которая успокаивает мой пульс. Я напишу письмо и попрошу Флору передать его Бронвен.

Написав записку с вопросом, откуда она знает мою маму и чего хочет от меня, я целую маму в озябшую щеку, натягиваю шерстяное одеяло на ее веснушчатые плечи и оставляю любоваться закатом.

Я прихожу на работу пораньше и предлагаю Флоре помочь с уборкой спален. Она бросает на меня недоверчивый взгляд, но все-таки не отказывает. В конце концов, она сможет вернуться домой раньше, хотя я слышала, как она говорила родителям Сибиллы, что рада бежать от детей. Не могу поверить, что она выбирает работу, а не материнство.

Я жду, пока мы закончим с третьей спальней, прежде чем спросить:

– Флора, ты знаешь женщину по имени Бронвен?

Она шипит, как будто я плеснула ей на кожу горячим маслом.

– Ты знаешь ее.

Ее карие глаза устремляются к открытому дверному проему.

– Нет.

– Тогда почему ты шипела?

Флора сосредоточенно взбивает набитые пухом подушки.

Я сую руку в карман за запиской, но вместо нее достаю медяк:

– Я просто хочу знать, кто она такая. Вот и все.

Флора бросает взгляд на мое подношение, затем отворачивается, ее натруженные пальцы сворачивают грязное постельное белье.

– Все, что здесь сказано, останется в этих стенах. Я клянусь в этом своей смертной жизнью.

Она снова смотрит на мою монету. Я достаю второй медяк. Ее глаза жадно блестят, и она кивает на свою юбку. Мое сердце колотится, когда я опускаю оба в ее карман.

– Я не ‘оворила о ней, если меня спросят, слышишь меня, полукрохвк?

– Я слышу.

Она смотрит на открытую дверь, потом снова на меня, говорит вполголоса:

– Как я уже ‘оворила, я сама ее ни знаи. – Из-за ее сильного ракоччинского акцента мне приходится сосредоточить все внимание на ее шевелящихся губах, чтобы разобрать слова. – Но я знаи о ней. ‘оворят, что она прорицатель.

– Прорицатель? Она может предсказывать будущее?

– Ш-ш-ш. – Обычно румяное лицо Флоры сейчас такое же бледное, как простыни, которые она прижимает к своей пышной груди.

– Прости, – бормочу я.

– Ее слепуха дает ей схвет.

Итак, я не просто вообразила странный блеск ее глаз...

– Ее предсказания сбывались?

То небольшое, что осталось от румянца на щеках Флоры, исчезает.

– Она предсказала, что крошка моей дхвоиродной сестры утонет в ночь на Йоль. Мы хвсе по очереди наблидали за ним, боясь, что он прохвалится под лед в канале. За дхве минуты до полуночи мы празднохвали ее ошибку, ‘огда обнаружили, что он плахвает лицом хвниз в хванне, кахторуи его братья и сестры забыли слить.

– О боги, мне так жаль, Флора.

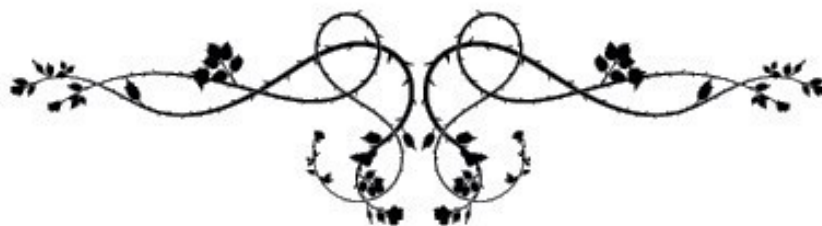
– Если хвы спросите меня, она злая. – Ее лицо искажается горечью. – Держись ахт нее подальше, Фэйллон.

Флора неуклюже выходит, прежде чем я успеваю передать ей свою записку. Спускаясь обратно в столовую, я снова и снова прокручиваю в голове все, что узнала.

Я спотыкаюсь. Крепко сжимаю поручень, мое сердце бьется не в такт. Как Бронвен может наблюдать, если она слепа?

Она наблюдает за моим будущим? Это то, что мама имеет в виду? Откуда женщина, которая родила меня, знает о ясновидящей Бронвен?

Настроение портится из-за того, что у меня становится больше вопросов, чем ответов.

Глава 6

Я украдкой бросаю еще один взгляд в маленькое окно таверны. Хотя стекла не помешало бы немного почистить, а луна скрыта вуалью, я могу разглядеть ракоччинский берег.

Пустынный берег.

Ножки стула скрипят по дереву, и шипение исходит от фейри, которому я подаю вино – или, скорее, на него.

– О боги. Мне так жаль, синьор Романо.

Пожилой фейри достаточно хорошо воспитан, чтобы не кричать на меня и не требовать бесплатный кувшин вина за мою небрежность. С другой стороны, он приходит каждый вечер два столетия подряд, со дня открытия таверны, так что он знает, что я не всегда такая неуклюжая.

– Все в порядке, Фэллон. Ничего страшного не произошло. – Пока я убираю беспорядок, он улыбается. – На твоём месте я бы тоже отвлекся.

Я выпрямляюсь, тело деревенеет.

– Вы... бы?

Слышал ли он наш с Флорой разговор? В конце концов, он фейри, и он уже сидел тут, когда я спустилась в зал.

Улыбка оттеняет его теплые янтарные глаза.

– Я не сомневаюсь, что ты получишь ленту.

Я моргаю.

– А... ленту?

На его лбу собираются морщинки, как вода от кильватерного следа корабля¹⁷.

– Ой. Верно. Ленты. – Я хлопаю себя по лбу, притворяясь, что только что сообразила, о чем он говорит, хотя у меня нет ни малейшего представления, почему я должна беспокоиться о кусочках шелка.

Мой поступок, должно быть, убедителен, потому что он заговорщически подмигивает.

Я бегу обратно к бару и подкрадываюсь поближе к Сибилле, пока ополаскиваю испачканную вином тряпку.

– Сиб, ты знаешь что-нибудь о лентах?

Она перестает наливать воду в графины и поднимает бровь так высоко, что она почти касается линии роста волос.

– Как *ты* можешь не знать о них?

– Эм... – Я пожимаю плечами. – В последнее время о другом думала.

– Ты не говорила. – На ее губах появляется ухмылка, и я уверена, она считает, что думала я о Данте и снова о Данте.

Она прислоняется бедром к деревянному прилавку, который держит в безупречной чистоте, даже несмотря на то, что посетителям его не видно. Как и ее отец, Сибилла помешана на аккуратности. Феб часто шутит, что это болезнь, но я думаю, что он втайне завидует, потому что сам он большой неряха. Он разбрасывает вещи повсюду, у него дома царит абсолютный хаос.

– Королевская семья раздает на помолвку приглашения в виде золотых лент. Очевидно, идея Данте. Весь Люче, затаив дыхание, ждет их, но не все их получают.

Получу ли я? Я размышляю о перспективе попасть на королевский бал, и настроение слегка поднимается, рассеивая хандру, которая прилипла ко мне, как паутина.

– По-видимому, – говорит Сибилла, – его охрана сегодня должна обойти дома.

¹⁷ Кильватерный след – полоса воды, остающаяся за кормой идущего судна.

Нонна, скорее всего, запретит мне идти на праздник на Изолакуори, и настроение портится.

– На что ты дуешься? Бал! С твоим любимым принцем! Я думала, ты будешь трепетать от волнения.

– Ты думаешь, Нонна меня отпустит?

– Я очень люблю твою бабушку, Фэллон, но ты уже взрослая. Ты сама решаешь, куда и когда ходить.

Сибилла права, и все же в глубине души я знаю, что не смогу бросить вызов бабушке, потому что она отказалась от всего ради меня. Будет справедливо, если я откажусь от чего-то ради нее.

Катриона суетится, шурша топазовым шелком, и садится на один из высоких стульев у барной стойки, щеки блестят от пудры, глаза подведены черным.

– Добрый вечер, девочки. – Ее длинные пальцы играют с золотым чокером.

Большие серые глаза Сибиллы начинают мерцать, как серебряные монеты.

– Это то, о чем я думаю?

Катриона расплывается в самодовольной улыбке:

– Принц подарил прошлой ночью.

У меня сдавливает грудь. Она видела Данте прошлой ночью? Его не было в таверне. Возникает вопрос: где она его встретила? Посещала дворец? Куртизанки часто собираются там на частные вечеринки с высокопоставленными чиновниками Люче.

Катриона поправляет конец ленты.

– А вы получили свои ленточки?

Сибилла вздыхает.

– В таком случае мы бы их носили.

Джиана вылетает из кухни с блюдом сыра.

Я отступаю в сторону, чтобы дать ей пройти, и притворяюсь, что не знаю ответа, когда спрашиваю:

– Данте был здесь прошлой ночью?

– Нет. Наши пути пересеклись в доме синьора Лавано, меня наняли для развлечения.

– Заканчивайте сплетничать, для мамы нужно разделить рыбу, а мне не помешала бы помощь в столовой. – Каштановые локоны Джианы обрамляют ее смуглое лицо. В отличие от Сиб, которая выпрямляет волосы с тех пор, как научилась этому, Джиа гордится своими кудрями.

– Я пойду. – Сибилла скрывается на кухне, дверь открывается и закрывается, выпуская ароматный травяной пар и запах шипящего масла.

Джиана кивает в сторону лестницы:

– Командор ждет тебя в бордовой комнате, Катриона.

– Ах, Сильвий, – нараспев произносит Катриона и указывает на амфору, наполненную золотистой жидкостью, которую Марчелло варит из ферментированного меда и клевера. – Налей мне выпить, хорошо, *micara*?¹⁸

Только меня Катриона называет micara.

Я наливаю сиропообразную жидкость в стакан размером с наперсток.

Она опрокидывает его, как только я убираю бутылку, затем постукивает пальцем по краю стопки, чтобы я налила еще.

– Знаешь, тебе стоит присоединиться к нам. Сильвий все время говорит о тебе.

Джиана отшатывается, как будто Катриона пригласила ее наверх.

– Я скорее переплыву канал, чем лягу с ним. – Я забиваю пробку обратно в амфору.

¹⁸ *Micara* – моя дорогая (в пер. с лючинского).

– Он щедро платит. Уверена, он и золотой монеты не пожалеет, я бы его убедила, учитывая, что ты...

– Мне не нужны деньги.

– Ты уверена в этом, *micara*? – Ее взгляд скользит по заплаткам на моем платье.

Тебя не волнуют такие вещи, Фэллон. Точно так же, как тебя не волнуют драгоценности или похвала.

– Фэллон слишком мила для твоей профессии. – Джиана ставит медные кружки на блюдо, тянется за кувшином воды, я подаю.

– Когда-то давно я тоже была милой. – Катриона подносит медовый напиток к губам и залпом выпивает. – Это быстро проходит, независимо от того, снимаешь ли ты одежду для одного мужчины или для многих.

– Брось, Катриона. – Джиана прищуривается, глядя на куртизанку, прежде чем повернуться и унести свое блюдо прочь.

– Я вижу, как ты смотришь на принца.

Медная кружка, которую я ополаскиваю, звякает о раковину и теряется под пеной.

– Я вижу, как он смотрит на тебя.

Я наблюдаю за Катрионной из-под ресниц.

– Я могла бы помочь тебе заполучить его. И не только на одну ночь.

Мое сердце колотится так быстро, что мой голос дрожит:

– Я полукровка.

Ее брови, которые намного темнее золотистых волос, выходящих вокруг шеи, изгибаются.

– Я тоже.

Жар заливает мои щеки, когда я понимаю, что она говорила не про брак.

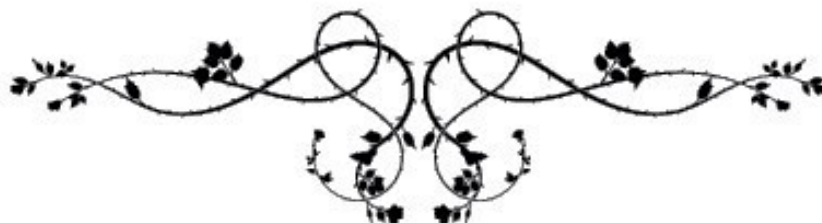
– Люче, может, и не позволяет нам подняться выше наших ушей, но брак – это еще не все, Фэллон.

– Откуда такому человеку, как ты, знать? – резко произношу я.

Катриона привыкла к колкостям, и все равно ее лицо застывает.

– Я многое повидала на своем веку, но никогда не видела брака по любви среди знати. Если ты хочешь верности и привязанности, избегай чистокровных.

Я знаю, завоевать сердце Данте – трудная задача, но если я вступлю в эту битву заранее побежденной, какие у меня шансы?

Глава 7

Звезды уже меркнут, когда я возвращаюсь домой. Внутри так тихо, что я слышу, как наши соседи, торговцы рыбой, заваривают чай, готовясь выйти в море до того, как поднимется ветер.

Не вижу на кухне ни золотой ленты, ни письма с официальной печатью, на цыпочках поднимаюсь по винтовой лестнице, вздрагивая при каждом скрипе. Во мне теплится надежда найти приглашение в комнате, но и она тает.

И Сибилла, и Джиана уже получили ленты, их родители тоже, и, конечно, Феб. Он может жить в Тарелексо и подстригать золотые волосы в знак солидарности с простыми жителями, но пока его семья не отрелась от него, он останется тарекуорином, а все тарекуорины, насколько я поняла по разговорам в таверне, приглашены.

Не раздеваясь, падаю на постель и сворачиваюсь калачиком. Как я ни стараюсь сдерживать слезы, они все равно катятся на подушку. Я зла на мать. Так зла. Это она виновата.

Из-за нее у меня нет перспектив, только ужасная репутация.

Удивительно, что нас не отправили в Ракс вместе с дикарями.

– Ты поздно вернулась. – Нонна стоит в дверном проеме, ее черная ночная рубашка прикрыта шалью. – Или, скорее, рано.

– Это была грандиозная ночь, учитывая все волнения, связанные с лентами. – Я смотрю в окно на перламутровое небо. – Получили мы хотя бы одну?

В комнате воцаряется такая густая тишина, что мне кажется, Нонна вернулась в постель, но тут до меня доносится ее аромат лимона и глицинии, обвивая меня, как виноградные лозы.

– Нет.

– Конечно, нет. – Если существует список полукровок, которым запрещено ступать на Изолакуори, то женщины России точно туда вписаны.

– Королевские пиры переоценивают, Гокколина.

Осколок печали у меня в горле ощущается острее.

– Думаю, я никогда этого не узнаю.

– *Mi cuori...*¹⁹

Сегодня вечером я не хочу быть ни ее сердцем, ни каплей дождя. Мне даже не хочется быть Фэллон России.

– Спокойной ночи, Нонна.

Она садится рядом со мной на кровать, опускает ладонь на мои волосы, убирает пряди с влажных дорожек на щеках.

– Я сказала: спокойной ночи. – Я отодвигаюсь так, что ее рука соскальзывает.

Она замирает на мгновение, затем шепчет:

– Я люблю тебя.

Она ждет, что я отвечу тем же, матрас слегка просел под ее стройным телом, цветочный аромат атакует мои ноздри. Понимая, что не услышит от меня нежных слов, она уходит.

Ржавые петли скрипят, когда закрывается дверь в мою маленькую спальню. Только когда все звуки затихают, я вжимаюсь лицом в подушку и всхлипываю.

¹⁹ *Mi cuori* – мое сердце (в пер. с люцинского).

Таверна, как и большинство заведений в округе, закрывается в день праздника.

Гондола за гондолой, украшенные белыми цветами и увитые блестящей органзой, пересекают каналы, доставляя завсегдатаев праздников в Изолакуори. Каждый раз, когда кто-то проплывает под окном маминной спальни, у меня сжимается сердце.

Я наблюдаю, как пересекают канал разряженные в шелка и увешанные драгоценностями счастливики. Некоторые даже поют непристойные песенки, начиная праздновать уже в лодке.

Четыре ящерицы, снующие между лозами глицинии, как будто чувствуют мою грусть, перепрыгивают через подоконник, солнечные лучи отражаются от золотистой чешуи и бегут по стенам, устраивая для нас с мамой представление. Одна ящерка даже запрыгивает маме на колени и ползает по ее сцепленным рукам в поисках идеального местечка. Уголки маминого рта подергиваются, и это немного развеивает мою печаль.

Я шепчу слова, они рассыпаются по комнате мелкими камешками. Надеюсь, они проникнут в сознание моей матери. Как только она засыпает, я переносу задремавшую вместе с ней ящерку на подоконник и закрываю окно, а затем выхожу на опустевшую улицу. Плохая, плохая идея

Сибилла и Феб не знают, что меня не пригласили, я не осмеливалась признаться в этом, опасаясь, что ради меня они поменяют планы, или, что еще хуже, страшась, что этого не произойдет. Когда солнце окрашивает небо в оранжевые и розовые тона, я оказываюсь на пристани и вижу, как Джиана запирает дверь таверны. Я хочу свернуть в переулок, прежде чем она заметит меня, но я недостаточно быстра.

– Сиб ушла с матерью и отцом больше часа назад. – Она осматривает мой наряд. – Почему ты не одета?

Вместо того чтобы еще больше погрязнуть в жалости к себе, я распахиваю глаза в приворном ужасе и шепчу:

– Неужели я снова надела невидимый наряд?

У Джианы хватает такта посмеяться над моей глупой шуткой.

– А с твоим платьем что? – спрашиваю я.

– Боги, ты думала, я пойду на изолакуоринский праздник? Не в этой жизни.

Поскольку у нас только одна жизнь, я так понимаю, в ее планы праздники не входят вообще.

– Куда же ты в таком случае?

– В Ракс. Люди устраивают собственный праздник, раз ленты остались по эту сторону канала.

Неудивительно.

Людам даже не разрешается заплывать в воды, окружающие королевский остров.

– Как ты доберешься до Ракоччи?

Она поджимает губы. Молчит. Секунду. Вторую. Наконец вздыхает.

– На лодке Энтони. Он с друзьями не попал в список.

– Я тоже.

Джиана приподнимает одну бровь:

– В это трудно поверить.

– Поверь. – Я облизываю губы. – Можно мне с тобой?

В золотом свете заходящего солнца смуглая кожа Джианы кажется темнее, почти черной.

– Твоя бабушка...

– Ей не нужно знать.

– Фэллон...

– Пожалуйста, Джиа. Я умоляю тебя. – Я подхожу к ней, молитвенно сложив ладони. – Я сделаю все что угодно. Вообще что угодно.

У нее вырывается глубокий вздох.

– Просто спаси меня от участи стать кормом для змей, когда твоя бабушка выбросит меня в канал, хорошо?

– Да! – Я почти кричу, потом добавляю уже почти нормальным голосом: – Но она не бросит тебя в канал. Я клянусь в этом всеми богами фейри.

Джиана улыбается и качает головой, затем указывает на причал, где стоит Энтони, его взгляд прикован к нам.

Я предвкушаю поездку в Ракс. Я хочу не только избавиться от тоски, но и встретиться с Бронвен.

Энтони наблюдает за мной.

– Ты не на пиру, Фэллон?

– Я Росси, помнишь? – Я прикусываю щеку, не до крови, но достаточно сильно, чтобы стало больно, и это отвлекает меня от боли, снова пронзающей мою грудь. – У нас довольно шаткое положение.

Он все еще не пропускает меня на свое судно.

– Я заплачу. – Я запускаю руку в карман юбки.

– Фэллон, пожалуйста. – Он сжимает мою руку. – Твои деньги здесь не принимаются.

Я втягиваю воздух и делаю шаг назад.

– Я понимаю. Я...

– Ты, может, и понимаешь, но явно что-то свое. – Он протягивает ладонь.

Я хмуро смотрю на нее, потом на него.

– Я бы никогда не взял у тебя денег, Фэллон, – произносит он, и его мягкий голос успокаивает мое трепещущее сердце. – Женщинам Росси всегда рады на моей лодке.

Сглотнув, я вкладываю свою руку в его ладонь, и он помогает мне взойти на борт. Когда я устраиваюсь на носу, он разматывает веревку, и я замечаю, как напрягаются его бицепсы под свободной темно-синей рубашкой.

Я уверена, он не против покрасоваться передо мной, но все же перевожу взгляд на солдатские казармы. Там сегодня тихо – большинство военных вызвано во дворец, чтобы усилить королевскую гвардию. Тем не менее несколько человек в форме расхаживают по узкому островку, который отделяет Ракс от Тарелексо.

Я задумываюсь, как мы пройдем мимо них.

– У меня нет пропуска, – говорю я.

Энтони подсаживается ко мне, оставляя своих друзей грести.

– На моем судне он тебе не нужен.

– Как это?

– Я торгую не только рыбой. – Должно быть, мое замешательство отражается на лице, потому что он добавляет: – Секреты, Фэллон. – И подмигивает, а я гадаю, какие секреты он хранит и чем торгует. – Это приносит замечательную прибыль.

– Значит, они даже не остановят нас?

– Нет.

Соленый ветерок играет с его волосами. Он убирает пряди со лба, улыбка появляется на его точеном лице, ямочка на квадратном подбородке становится заметнее.

– Я не могу поверить, что Фэллон Росси на моем судне, что она собирается в болота. – Я улыбаюсь в ответ, откидывая волосы. Он добавляет: – Не терпится скорее туда попасть. Что, в твой кофе утром помочился спрайт?

Я морщу нос:

– Фу. С чего вообще такие мысли?

– Считается, что от их мочи фейри ведут себя... *дико*.

– Во-первых, это отвратительно, – говорю я. Впрочем, спасибо за информацию. Как Феб, который вырос в окружении прислуживающих ему спрайтов, не рассказал мне об этом? – Во-вторых, я сама варила себе кофе, и у меня дома нет спрайтов.

Из-под судна появляется голубой змей, его рог цвета слоновой кости блестит в лунном свете. Он не обращает на нас внимания, просто плывет прочь, поднимая волну. Джиана приглушенно вскрикивает, судно раскачивается, я теряю опору. Энтони обхватывает меня рукой за талию, когда я врезаюсь в него.

– Давай отправимся в плавание после праздника.

Я вытягиваю шею, чтобы заглянуть ему в лицо.

– В плавание?

– Вода – моя стихия.

– Верно, но не морские змеи.

От его пристального тяжелого взгляда мои щеки пылают.

– Они – твоя стихия?

– Я всего-то одного встретила. – Я отворачиваюсь, гадая, не плывет ли Минимус где-нибудь под залитой лунным светом водой. – Он отнесся ко мне по-доброму. А другие, может, меня ненавидят.

– Я не думаю, что тебя кто-либо ненавидит, Фэллон.

Я делаю глубокий вдох, наполняя легкие солью, ветром и звездным светом.

– Мой дедушка, например.

– Твой дедушка – дурак.

Я ахаю, потому что мы на расстоянии вытянутой руки от пропускного пункта и два солдата фейри стоят у плавучих ворот.

– Не говори так, – предостерегаю я.

Энтони хмурится, должно быть, решил, что я защищаю Юстуса.

– Он влиятельная персона, – поясняю я. – У него повсюду уши. И даже если ты умеешь плавать, я не хочу, чтобы ты оказался в канале.

Постепенно черны его лица разглаживаются, возвращается легкая улыбка.

Я ожидаю, что охранники остановят лодку, но по кивку Энтони они открывают ворота. Я чувствую, как один из них смотрит на меня, и утыкаюсь лицом в шею Энтони, чтобы скрыться от внимания.

– Они никому не скажут, что видели меня на твоём судне?

Пальцы Энтони сжимаются вокруг моей талии.

– Нет, если они хотят сохранить свои секреты.

Дерево и металл скрипят, когда ворота закрываются за нами, и я выпускаю застрявший в легких воздух.

– Секреты, которыми ты торгуешь, должно быть, ужасны.

– А то как же.

Думаю, мне не следовало так прижиматься к Энтони, но я чувствую себя перед ним в долгу, к тому же я бы солгала, если бы сказала, что мне не нравятся его объятия. Единственным, кто меня так же обнимал, был Данте, но так давно, что я позабыла ощущения.

Нос лодки врезается в мусор: сломанные доски, качающиеся бутылки, раздутая рыба, фекалии; зловоние заставляет меня дышать ртом. Теперь ясно, почему канал в этих краях такой мутный.

– Почему огненные фейри не чистят воду? – Мой голос звучит немного гнусаво из-за того, как я пытаюсь задерживать дыхание.

– Король считает, что люди должны жить в своей грязи, и запретил использовать магию, чтобы улучшить жизни в Раксе.

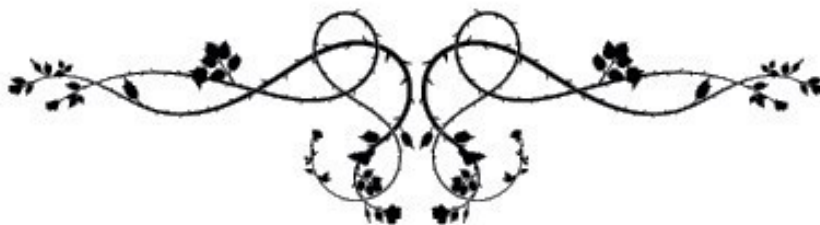
Руки сжимаются в кулаки от шока и гнева.

- Это... это... бессердечно. Если бы Данте был королем...
- Он бы сохранил запрет.
- Он бы не стал.

Я чувствую, как мышцы Энтони напрягаются, затем расслабляются, и он грустно улыбается.

- Я забыл, что он твой друг.
 - Он заботится обо всех: чистокровных, полукровках, *людях*.
 - И все же ты со мной, а не во дворце с ним, так что ему, должно быть, все равно.
- У меня щемит в груди.
- Это праздник короля, а не принца.

Энтони чувствует, что настаивать на своем не стоит, и все же, когда мы проплываем мимо узловатых корней кипарисов, растущих вдоль берега, мы продолжаем спорить, и слова копятся вокруг нас, подобно мусору в воде.

Глава 8

– Держи. – Джиана передает мне криво слепленную глиняную кружку и садится на сплюснутую ржавую бочку, которая играет роль скамейки. – Похоже, тебе это нужно.

Я нюхаю шипящую жидкость, и от одного запаха у меня слезятся глаза.

– Что это?

– Алкоголь...

– Это понятно. Я имею в виду, какой?

– Домашний эль. На вкус лучше, чем на запах.

Делаю маленький глоток и закашливаюсь от горького привкуса.

Джиана расплывается в ухмылке:

– К нему нужно привыкнуть.

– Ну и как долго ты привыкала?

– Долго, – смеется она.

Так это ее не первый визит в Ракс...

– Энтони в дурном настроении. Что у вас произошло в Люче?

Я бросаю взгляд поверх потрескивающего костра на Энтони и одного из его друзей, которые устроились на срубленном дереве.

– Мы обсуждали политику.

– И вы с ним придерживаетесь разных взглядов? – Она делает глоток.

Я тоже отпиваю из кружки. На этот раз пошло легче, но все равно на вкус отвратительно.

– Он не верит, что Данте правил бы лучше Марко.

– О, – только и произносит Джиана. Простой звук, который несет в себе так много всего.

– Что это значит, это твое «о»?

Она опускает кружку на колени и обхватывает ее обеими руками.

– Это означает, что, как только ты проживешь столько же, сколько мы с Энтони, твои взгляды могут измениться.

– Ты *знаешь* Данте, Джиа.

– И *знала* Марко. Может, я и не ходила с ним в школу, но он часто бывал в таверне. Нельзя сказать, что мы дружили, но ладили хорошо.

Мысль о том, что Марко сидит за столом в «*Дне кувшина*», настолько неприятна, что я целую минуту ничего не говорю, но потом любопытство берет надо мной верх.

– Вы с ним?..

– Котел, нет. Даже пофлиртовать не тянуло. Его это было размером с Тарелексо и Тарекуору, вместе взятые. – Пламя костра танцует в ее глазах. Она выглядит не старше тридцати, но на самом деле ей почти сто. Она многое повидала. – После Приманиви стало еще хуже. Он вернулся с той битвы, ведя себя как бог.

Я наблюдаю за людьми – лысыми, в тюрбанах, – они хихикают и танцуют, как будто им наплевать на весь мир, как будто пятеро полуфейри, которые вторглись на их праздник, не проливали кровь наравне с мужчиной, который подавил их восстание два десятилетия назад.

– Как получилось, что люди позволили нам принять участие в их пире?

Она оглядывается вокруг. Кто-то смотрит на нас настороженно, кто-то с любопытством. Я понимаю, что лючинские изгои, с которыми я приплыла, знакомы с людьми намного лучше, чем хотят показать.

– Потому что им нужны деньги. – Джиана откидывает назад упругий локон, позволяя указательному пальцу задержаться на округлом ухе. – И из-за этого.

Я вздыхаю.

Из-за *этого* я сижу здесь, а не на мягком стуле в Изолакуори. Я отмахиваюсь от мрачных мыслей до того, как они испортят мой вечер.

– Деньги? – говорю я.

– Что?..

– Ты сказала, людям нужны деньги. Я так понимаю, кто-то заплатил за нас. Кто из вас? И сколько я должна?

– Фэллон...

– Ты меня знаешь. Я не люблю долги.

– Энтони обо всем позаботился. Обо всех нас, так что расслабься. – Джиана касается моего запястья. – Что касается прошлой темы... Я знаю, что ты заботаешься о Данте, и, честно говоря, мне хочется верить, что он бы все изменил, получи он власть, но я знаю и то, что без выгоды для себя фейри пальцем не пошевелят.

– Он мог бы многое получить! – Я вскидываю руки в воздух, расплескивая эль из кружки, люди поглядывают на меня. Я вытираю запястье подолом и поджимаю губы, сожалея, что привлекла внимание.

– Назови хоть одну вещь, которую бы королевская семья заполучила, помогай она низшим фейри и людям, – говорит Джиана.

– Нашу верность.

– Мы и так им верны. – Джиана отпивает из кружки, пристально глядя на мерцающее пламя.

– Брать что-то и получать что-то взамен – это даже близко не одно и то же.

Она смотрит на меня.

– Я не та, кого нужно убеждать.

– Нет? Похоже, ты смирилась.

Ее взгляд возвращается к огню, серебро твердеет, как остывающий металл.

– Вовсе нет, *dolcca*²⁰.

Когда я была ребенком, каждую пятницу прибегала в таверну к Джиане. Она угощала нас с Сиб сладостями. Однажды я потыкала пальчиками в засахаренные лепестки, вслух удивляясь, почему цветочки не такие красивые, как на витрине. Джиана объяснила, что вещи с изыском стоят дешевле. В следующую пятницу она положила передо мной идеальную, как с картинки, веточку лаванды, а рядом – надломанную.

– Скажи мне, *dolcca*, какая на вкус лучше?

Сладости были одинаковыми на вкус. Урок Джианы расстроил меня так сильно, так основательно, что я несколько недель подряд не заглядывала в таверну, а когда пришла, отказалась от угощения, заявив, что уже не маленькая, чтобы есть конфеты. С тех пор Джиана перестала звать меня *dolcca*.

Я смотрю, как на поверхности моего эля появляются пузырьки.

– Ты научила меня, что ценность зависит от внешнего вида. – Я вижу, как между бровями Джианы залегает глубокая складка, и добавляю: – Помнишь, ты купила мне засахаренную лаванду?

Ее лоб разглаживается.

– В тот день, – продолжаю я, – я была в ярости. Не на тебя, а на общую несправедливость.

– Я всегда задавалась вопросом, что случилось...

– Знаешь, что я сделала? Я потащила Данте в кондитерскую и заставила его купить обычную и бракованную конфеты. И что ты думаешь? Лавочница отказалась продавать принцу бракованный товар, отдала даром. Знаешь, что он сказал? Сказал, что не может понять, в чем

²⁰ Dolcca – малышка (в пер. с лючинского).

разница между ними, ни по внешнему виду, ни по вкусу. Вот такой он человек, Джа, – справедливый и понимающий.

– Я восхищаюсь им за это еще больше, но иерархию без борьбы не сломаешь. И эта борьба будет стоить людям жизни, если они не будут готовы. Как ты думаешь, кто умрет, Фэллон? Чья кровь зальет мощные улицы? Ты действительно думаешь, что Данте убил бы собственного брата, чтобы все исправить? Чтобы улучшить ситуацию?

Она говорит вполголоса, но слова звучат так, будто она кричит, и не на весь мир, а на меня. Я чувствую себя почти спрайтом, младенцем, которого носят на перевязи у груди.

– Я знаю, ты считаешь меня наивной, но...

– Идеалисткой, но не наивной. Боги, Фэллон, хотела бы я мечтать так же, как ты. – Она сжимает мое запястье на мгновение, а после встает. – Я собираюсь выпить еще эля и повеселиться на славу. – Она делает пару шагов, оборачивается. – И прости.

– За что?

– За то, что причинила тебе тогда боль.

– Я не жалею.

– Тем не менее я сожалею. – Она мягко, почти незаметно улыбается. – А теперь иди, тоже повеселись. – Она поворачивается к толпе. Не думаю, что она специально высматривает Энтони, но ее взгляд останавливается на нем. Он угрюмо смотрит на огонь, будто это самая мерзкая стихия из всех.

Прикусываю губу. Я все еще злюсь на него за плохое мнение о Данте, но он ведь не знает его, как я. Допиваю весь свой эль до последней горькой капли и поднимаюсь.

Энтони смотрит на меня. Его взгляд не будоражит так, как взгляд Данте, но кровь определенно горючит.

Он сидит в одиночестве – Риччио и Маттиа, очевидно, нашли другую компанию.

– Можно? – спрашиваю я.

Его голубые глаза мерцают в свете костра, но в остальном он кажется неприступным. Я боюсь, он отошлет меня. Он не смотрит на меня. Но кивает.

Я сажусь, ставлю пустую кружку на землю рядом со своим заляпанным грязью ботинком.

– Тебе тоже потребовалось время, чтобы привыкнуть ко вкусу, или тебе сразу понравилось?

Он хмуро смотрит на меня. У него металлическая кружка, а не глиняная.

– Мне сразу нравилось, но мне не трудно угодить.

Слова «*в отличие от тебя*» повисают в воздухе.

– Джа сказала, ты заплатил за меня.

– В самом деле?

– Не сердись на нее. – Я кладу руку на его колено. – Я заставила ее рассказать мне.

– Я и не знал, что ты можешь принуждать людей, – говорит он сердито, и я быстро убираю руку.

– Я не владею чарами, Энтони. – Я зарываюсь пальцами в складки своего платья, раздраженная его мелочностью. – Никакими. Во мне ни крупицы магии, в отличие от тебя.

Я собираюсь уходить. Начинаю подниматься, когда пальцы Энтони касаются моей руки, скользят по ладони, против воли я отвечаю на пожатие.

– Прости меня, – говорит он, и язвительность в его тоне исчезает.

– За что? За то, что напомнил, насколько я бесполезна?

– За то, что вел себя как придурок-спрайт. И ты не бесполезна.

Я разглядываю подол платья, весь испачканный в грязи. Если бы у меня была хоть капля сил, я бы заставила одежду вращаться в тазу, который мы используем для стирки. Вместо этого мне приходится отскребать въевшуюся грязь ногтями.

– Может, я смогу научить тебя, как управлять водой.

- Мне двадцать два, Энтони. Я должна была научиться управлять водой десять лет назад.
- Может быть, ты поздний цветок.
- Или, возможно, я вообще не расцвету.

Кажется, его не волнует, что мои руки огрубели от работы, стали такими же мозолистыми, как и у него. А меня это волнует. Я отдергиваю руку, но он не отпускает. И затем его большой палец начинает двигаться по линии, которая, по словам Сиб, измеряет, как долго я проживу. Надеюсь, это всего лишь выдумка, поскольку моя линия жизни обрывается, едва начавшись.

- Ты во всем расцвела, Фэллон.

Я фыркаю. Ничего не могу с собой поделать.

– Не говоря уже о том, что ты встретила с *морским змеем* и выжила. Может, водой ты не управляешь, но, очевидно, ты управляешь сердцами водных тварей. И водных фейри.

Я качаю головой, но его слова развеивают мое плохое настроение.

- Ты острый на язык.

– Обычно мне говорят это после того, как мой язык отважится прикоснуться к женскому телу, не раньше.

Я искоса смотрю на Энтони, желудок скручивается от его прикосновений, от мысли о его языке на моей коже. От эля. Он тянет меня за руку, нежно, как будто проверяя, буду ли я сопротивляться. Я поддаюсь, и он сажает меня к себе на колени.

– Я не ношу мундир и знаю, что ты можешь заполучить гораздо более крупную рыбу, чем простого рыбака, но, прежде чем ты меня отвергнешь и разобьешь мне сердце, дай мне шанс, Фэллон Росси. – Он целует костяшки моих пальцев, прежде чем положить мою руку на свой затылок. Как только он понимает, что я не собираюсь убирать ее, то обхватывает меня за талию, утянутую корсетом.

Чувство вины, благодарность и эль бурлят во мне. Выходить замуж за Энтони я не хочу, но поцеловать его не прочь. О чем ему и сообщаю.

– Я также хочу поцеловать тебя, Фэллон, – говорит он напряженно. – Что касается брака... выбрось это из головы.

Я провожу пальцами по бугоркам его позвоночника, вдыхая солоноватый запах его кожи.

– Я целовалась только один раз, а ты перецеловал тысячи девушек. – Понятия не имею, почему я признаюсь в этом. Я бы обвинила эль, но, вероятно, это какая-то глубоко укоренившаяся неуверенность.

– Твой опыт не имеет для меня никакого значения. Ни с одной из тех тысяч, с кем я целовался, я не чувствовал себя так, как с тобой, Фэллон.

- Неуверенным в себе?

– Обезумевшим от желания, – хрипит он, прежде чем прижаться своими губами к моим. Губами, которые принадлежали стольким, но которые сегодня принадлежат только мне.

Поцелуй медленный и томный, совсем не похожий на тот жаркий, который я разделила с Данте. Его не сопровождают слезы или сердечная боль. Мы никуда не спешим. Конечно, это неправильно, однако я представляю, что сижу на коленях у Данте и целуюсь с ним. Воображаю, что это плоть Данте упирается в мое бедро.

Я приоткрываю рот, углубляя поцелуй. Энтони действует осторожно, как будто опасается, что своим напором напугает меня. Или, может быть, нежность – его особый приемчик. Сейчас бы пригодилась подсказка Сиб, но от мысли, что лучшая подруга уже бывала на моем месте, у меня все переворачивается внутри.

Не думать о Сибилле.

Или Данте.

Не думать, и точка.

Я заставляю себя сосредоточиться на ощущениях, на податливости языка Энтони, так не похожего на все остальное его тело. Я запускаю пальцы в его распущенные волосы и прижимаюсь теснее, пока поцелуй не перестает быть сладким.

Сегодня мне не хочется нежностей. Я жду поцелуя, который сведет с ума и разум, и сердце. Который разгонит грозовые облака и согреет зимними ночами. Такого поцелуя, о которых я читала в маминых книгах.

Энтони отстраняется и произносит мое имя. Я пытаюсь поцеловать его снова, но он отстраняется. Я напрягаюсь в его объятиях. Он все еще возбужден, я предполагаю, что он все еще хочет меня, но, видимо, не хочет больше целоваться.

– Здесь сдают комнаты, – говорю я.

Я не готова к большему, но мой разум заполняют воспоминания о том, как Катриона касается Данте. А потом это делает Берил. Хотя принц ни одну из них не посадил к себе на колени, не последовал за ними наверх, он позволил им разминать его плечи и шею. Позволяет ли он другим ласкать себя сегодня? Так много женщин желают его. Я думала, что из всех женщин меня он желает больше всего, но вот я – в Раксе, на коленях у другого мужчины, так что, похоже, не так уж сильно Данте меня желает.

– Не нужно... мне не следует... – Энтони убирает прядь волос с моего лица. – Мне достаточно просто целовать тебя, Фэллон.

Я смотрю на таверну, в ее деревянных стенах прорублены такие крошечные окна, что мне кажется, внутри царит тьма даже днем. Наверняка постельное белье меняю недостаточно часто. Возможно, я слишком задираю нос, но я не хочу ложиться с мужчиной в дешевую и грязную постель.

Особенно в первый раз.

– Не здесь. – От моего ответа он замирает, и я понимаю, он ожидал, что я скажу, что свидание окончено.

– Давай позовем остальных и...

Я прижимаю кончики пальцев к его губам. Я не готова покидать Ракс.

– Пусть другие развлекаются. Ночь только начинается, Энтони.

Я заменяю пальцы губами, чтобы заставить его забыть о возвращении домой, прежде чем я смогу найти Бронвен.

Глава 9

Когда я целую Энтони, у меня кружится голова и болит мочевого пузырь. Последнее – от эля, но что насчет первого? Или мои мысли кружатся от жара, который Энтони вызвал в моих венах?

Какова бы ни была причина, мне нужно облегчиться. Я отрываю свои губы от его, мое дыхание такое же учащенное, как в тот день, когда я встретила Минимуса на портовом рынке.

– Я надеюсь, у людей есть уборные.

Его глаза блестят, губы припухли.

– Они засыпали ямы для сточной воды.

Я морщу нос.

– Потерпеть не можешь? – спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой, затем снова качаю головой, когда Энтони настаивает на том, чтобы проводить меня в уборную за таверной. Есть места, куда девушке нужно ходить одной. Он провожает меня взглядом, пока я иду к деревянному домику, от которого исходит запах гораздо хуже, чем от канала Ракоччи.

Желание терпеть до возвращения в цивилизованную часть королевства очень сильно, но желание облегчиться побеждает. Я открываю шаткую деревянную дверь, вдыхая едкий запах. Желудок сводит, я задерживаю дыхание и пытаюсь нащупать в темноте защелку и не нахожу.

Держась одной рукой за дверную ручку, я задираю юбку, спускаю штаны, присаживаюсь на корточки над бочкой.

Если бы только Нонна могла меня видеть. *О боги, Нонна!* Она, должно быть, волнуется. Надеюсь, она подумает, что я пошла в таверну. А потом она узнает, что таверна закрыта, и предположит худшее... что я пробралась на гондолу и плыву в Изолакуори.

Я молюсь, чтобы она не отправилась меня искать. Она редко оставляет маму одну по ночам. Пожалуйста, пусть сегодняшний вечер не будет исключением.

Я, спотыкаясь, выхожу из вонючей кабинки. Прислоняюсь к стене таверны и закрываю глаза.

Запах шкворчащего жира доносится через открытое окно рядом, и желудок урчит. Я собираюсь вернуться на вечеринку и спросить у Энтони, можем ли мы купить еды, как вдруг меня окликают по имени незнакомый голос, останавливая на полпути и вызывая мурашки.

Я оглядываюсь, но темнота, из которой исходит голос, настолько густая, что я едва могу разобрать стену кипарисов, растущих вокруг таверны.

– Бронвен?

Тени смещаются.

– Ты знаешь мое имя.

Это не вопрос, но я отвечаю:

– Мать сказала, что вы наблюдаете за мной. А потом я увидела вас...

– Твоя мать делилась чем-нибудь еще?

– Нет. Она едва может связать два слова. – Подобно охотнику, пытаюсь в темноте разглядеть Бронвен, но не получается. – Откуда вы знаете ее? Откуда она знает вас?

– Это не имеет значения.

– Это имеет значение для меня.

– У нас не так много времени, Фэллон.

Новая волна мурашек пробегает по телу.

Порыв ветра прочесывает ветви над нами, сквозь полог листьев пробивается лунный свет. Я различаю складки тюрбана, сморщенную кожу, напоминающую расплавленный воск, и молочные глаза, мерцающие белизной.

Я делаю шаг назад, мое сердце колотится где-то в горле. Флора говорила, что Бронвен слепа, но не упомянула, что она изуродована. Что с ней случилось?

– Освободи пять железных воронов, и ты станешь королевой.

Я замираю. Это еще что? Железные вороны? Королева? Образ пресыщенного жизнью, вальяжного Марко возникает у меня перед глазами, вызывая дрожь.

– Король помолвлен – и явно не со мной, – говорю я. – И я не люблю его.

– Я знаю, ты любишь другого мужчину семьи Реджио.

На этот раз мурашки проникают под кожу, а кровь стынет в жилах.

– Откуда вы?..

– Потому что я вижу, дитя.

Дрожь пробегает по спине, потому что если она и видит, то не глазами.

– Ты хочешь сказать, что, если я найду пять... *статуй*, Данте станет королем и выберет меня своей невестой?

– Я говорю, что Люче скоро будет принадлежать тебе, Фэллон *Báeinach*.

– Бэннок?²¹ – Я пытаюсь повторить незнакомое слово. – Почему вы назвали меня Фэллон Бэннок? Что это значит?

Она отступает во тьму.

– Освободи воронов, Фэллон.

– Освободить их? Эти статуи заперты?

– Да.

– Где?

– Они спрятаны по всему королевству.

Я вскидываю руки в отчаянии:

– Тогда как, богов ради, я должна их найти?

Бронвен останавливается.

– Первая приведет тебя к остальным.

– И где же первая? – Она молчит так долго, что я выдыхаю уголком рта. – Отлично, обожаю секреты.

– Я вижу одну во дворце.

– Прискорбно, именно туда меня не пускают, – говорю я и про себя добавляю: *Поверь мне, в противном случае я бы сейчас была там.*

– Ты здесь, потому что пришло время. – Она сливается с темнотой, как будто у нее вовсе нет тела. – Никому не говори обо мне и о том, что ищешь, или навлечешь на всех проклятье.

– Проклятье на всех... – бормочу я себе под нос. – На кого *всех*?

Тишина.

– Кто вы? Почему я?

Снова тишина.

– Откуда вас знает моя мама?

Прохладный ветер развеивает волосы и передает еще один навязчивый шепот.

– Он ждет тебя, Фэллон.

– Кто? Данте? Энтони? – Мое раздражение отражается эхом от стволов кипарисов, от их узловатых корней, от чернильного неба.

Мне хочется зарычать и порвать темноту, чтобы добраться до Бронвен, она приводит меня в бешенство своими загадками.

– Ты в порядке? – слышу я голос Энтони и оборачиваюсь.

²¹ В оригинале *Báeinach* и *Bannock*, само имя Фэллон – ирландского происхождения и означает «лидер», и разница фамилий также происходит за счет прочтения с ирландского и английского языков. Фэллон слышит эту фамилию на английский манер – *Bannock*, Бэннок, а другие персонажи произносят *Báeinach* – Бенах.

Я хрипло выдыхаю, приглаживаю волосы, перебирают густые пряди.

– Да, – вру я.

– С кем ты разговаривала?

– Какая-то человеческая женщина. – Хотя *человек ли* Бронвен? От мысли, что она может быть кем-то другим, тонкие волоски на руках встают дыбом.

Энтони обходит меня, кричит, чтобы женщина показалась. Бронвен, конечно, не откликается.

Энтони углубляется во тьму. Я понимаю, что получила то, за чем пришла в Ракс, и все же... и все же я настолько сбита с толку, что мне хочется саму себя оттащить за волосы. Я обхватываю себя руками и сосредоточенно смотрю на широкую фигуру Энтони, пробивающуюся сквозь густую черноту обратно ко мне.

– Я не должен был оставлять тебя одну, – бормочет он.

Я сжимаю его руки, чтобы успокоить.

– Я в порядке, Энтони.

Он стискивает зубы.

– Что она тебе сказала? Чего она хотела?

– Деньги. – *Ложь*.

– Ты дала ей что-нибудь?

– Медяк. Чтобы она могла накормить ребенка. – Сегодня вечером ложь так и сыпется из моих уст.

Его руки дергаются, а затем звенит металл.

– Возьми. – Энтони сумел достать монету из кожаного кошелька, прикрепленного к поясу.

Я качаю головой:

– Я и так тебе должна за сегодня.

– Фэллон...

Я накрываю его пальцы, в которых он сжимает монету.

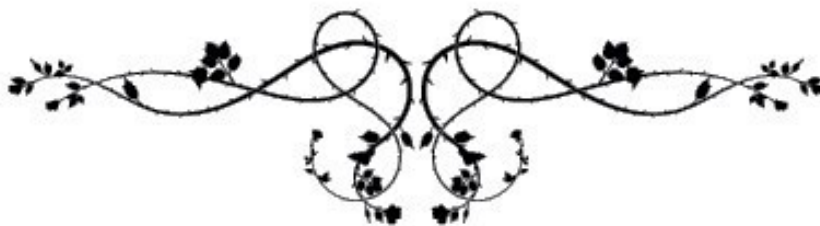
– Пожалуйста, Энтони. Может, я и не купаюсь в тарекуоринском золоте, но и не нищая.

В конце концов он смягчается и прячет медяк обратно.

– Нужно возвращаться домой.

На этот раз я с готовностью соглашаюсь. И не потому, что собираюсь вторгнуться на королевский праздник, чтобы найти статую, а потому, что мне нужно держаться подальше от этого места... от слепой женщины, которая только что сообщила, что я могла бы стать королевой, если бы нашла и освободила железных воронов.

Зачем кому-то понадобилось пленять статуи? Причем не одну, а пять! Потому что они из железа? С какой стати кузнецу создавать их в честь домашних птиц горного племени, которое напало на нас два десятилетия назад?

Глава 10

Я так погружена в свои мысли, что едва замечаю, как мы пересекли канал, пока не оказываюсь на причале. Джиана хватает меня за плечо и оттаскивает от мужчин, привязывающих судно.

– Что с тобой происходит?

Как бы я хотела рассказать ей, но, очевидно, я бы прокляла этим кучу незнакомцев.

Я перестаю покусывать губу.

– Просто задумалась... о всяком.

– *Всякое* – это Энтони? – Ее глаза горят. Я не могу сказать, беспокойство это или веселье, я знаю, что это совершенно не одно и то же, но мой разум не способен сейчас различать оттенки чувств. – Если ты не хочешь заходить дальше, скажи ему. Он один из немногих, кто прислушается.

Свидание с Энтони – последнее, что у меня на уме, но теперь, когда она напомнила о нем, наш поцелуй и продолжение, на которое рассчитывает Энтони, занимают центральное место. Через плечо Джианы я наблюдаю, как он выходит из своей лодки с изяществом опытного мужчины, привыкшего существовать между сушей и морем. Он ловит мой взгляд, но не улыбается. Как и я, он был на взводе с тех пор, как мы покинули Ракс.

Перевожу взгляд на Джиану:

– Я не уверена в том, чего я хочу. – Ну, кроме того, что я бы отмотала весь этот вечер назад. Всю эту неделю.

Я бы хотела, чтобы мама никогда не упоминала Бронвен и я никогда не отправлялась на ее поиски, потому что слепой женщине удалось и одурманить мой разум, и выбить меня из колеи. Могу ли я, полукровка, законно стать невестой Данте благодаря охоте за сокровищами?

Бронвен попросила меня не рассказывать ни о поисках, ни о ней, но она не говорила, что я не могу спрашивать о статуях.

Я поднимаю глаза к небу, полному мерцания звезд:

– Джиа, есть ли в королевстве кузнецы, которые работают с железом?

Она склоняет голову:

– Только один, в Изолакуори, поставляет стальные клинки военным.

Мой пульс учащается. Бронвен сказала, что первая железная птица – в Изолакуори. Может ли она быть в той кузнице?

Я хмурюсь, когда до меня доходит – только чистокровные фейри могут жить в Изолакуори, но фейри не могут работать с железом.

– Кузнец – фейри?

– Нет. Он человек. Фейри не могут прикасаться к железу.

– Он живет в Изолакуори?

– Как и короли. Из поколения в поколение. – Она прищуривается. – Откуда такой внезапный интерес к кузнецам?

За ней взлетает стая уток с бирюзовым оперением, вода стекает с их крыльев, подобно бриллиантам, забрызгивая змея, потревожившего их покой.

– Может быть, мне нужно оружие? Ведь девушка должна себя чем-то защищать, правда?

Голос Джианы опускается до жесткого шепота:

– Дардженто обидел тебя?

Я поражена ее предположением.

– Нет. Я клянусь, он ничего не сделал.

– Что здесь происходит? – Энтони подкрадывается к нам.

– Ничего, – бормочу я одновременно с тем, как Джиана говорит:

– Фэллон хочет приобрести оружие. Железное.

Я впиваюсь зубами во внутреннюю сторону щеки. Почему она взяла и рассказала ему? Я могла бы не заострять на этом внимание, но я говорю:

– Верно. Да. Я бы чувствовала себя в большей безопасности.

Энтони смотрит на Джаану. После долгой паузы его взгляд возвращается ко мне.

– Владение чем-либо железным – смертный приговор. И, учитывая твою историю со змеями, это будет не прогулка по доске²².

– Я в курсе. Глупая идея. – Которая никуда меня не привела. Или, точнее, не привела в Изолакуори, куда мне все равно нужно попасть. – Пожалуйста, забудьте об этом.

Они обмениваются еще одним долгим взглядом, который заставляет меня выгнуть бровь, потому что в нем чувствуется нечто большее, чем просто беспокойство: в нем чувствуется молчаливое согласие и общий секрет.

Риччио и Маттиа неторопливо подходят к нам, оживленно болтая о своих успехах среди человеческих женщин. Риччио хлопает веснушчатого Маттиа по спине. Должно быть, он дразнит двоюродного брата, потому что вечно загорелое лицо Маттиа кажется румянее, чем обычно.

– Как насчет того, чтобы зайти и пропустить по стаканчику на ночь? – Джаана тянет золотую цепочку на шее, из-за корсажа появляется ключик от двери таверны.

Риччио и Маттиа с готовностью следуют за ней.

Энтони склоняет голову набок:

– Чем бы ты хотела заняться, Фэллон?

Если я сейчас пойду домой, я столкнусь с Нонной, которая почувствует мое смятение и потребует объяснений, эта женщина знает меня вдоль и поперек. Если я задержусь еще на час или два, вероятность того, что она будет спать, возрастет.

Стоп... Энтони же не предлагает проводить меня домой, не так ли?

Я вытираю липкие ладони о юбку.

– Я не готова идти домой. – Ни к нему, ни к себе.

Он кивает в сторону таверны:

– Тогда после тебя.

Я иду впереди него, грязь на подоле платья оттягивает ткань.

– Запри дверь, – говорит Джаана, пока Риччио, единственный фейри огня в компании, зажигает фитили на нескольких масляных лампах.

В Тарелексо так пусто и тихо, что кажется, будто мы пятеро – единственные живые фейри во всем королевстве. Даже спрайты, обычно жужжащие вокруг причала, отсутствуют.

Потому что все во дворце.

Дворец, который мог бы стать моим.

Я – королева...

Так нелепо звучит.

И все же... и все же я могу представить себя рядом с Данте, и не то чтобы мне не нравилось об этом мечтать.

Моя задумчивость достигает невероятных размеров, когда я помогаю Джаане отнести пять бокалов на круглый стол в задней части таверны, отделенной от окон и остальной части зала занавеской. Я сажусь между Энтони и черноволосым Риччио.

Я помню, как он еле плелся обратно к судну, а сейчас первым хватает бокал вина фейри и залпом осушает его.

²² Прогулка по доске – казнь, применяемая пиратами. Пленников заставляли идти по доске, заканчивавшейся за бортом. Они либо тонули, либо их съедали морские обитатели.

– Твои манеры ужасны, Риччио. – Энтони подцепляет ножку другого наполненного бокала и ставит его передо мной. – Дамы всегда на первом месте.

– И он удивляется, почему тебе достается все веселье, а ему – крохи. – Я уловила намеки Маттиа, но мои мысли заняты птицами и Данте, поэтому не краснею.

Железные вороны. Железные вороны. Железные...

Что-то щелкает.

– Ведь вы все сражались в битве Приманиви?

Вопрос лишает моих соседей по столу и дыхания, и улыбок. Они оглядывают друг друга, губы бескровные, шеи напряженные, позвоночники прямые.

– Я нет. – Джиана первой возвращается к жизни, наклоняясь над столом, чтобы долить всем вина. – Женщин не берут в солдаты, забыла? Мы слабый пол.

Ни ее сарказм, ни ее острая ремарка не ускользнули от меня. Неравенство между полами так же нелепо, как и неравенство между расами. Как бы мне ни хотелось подробно обсудить и то и другое, у меня есть более насущная проблема.

– Но ты была поблизости, верно, Джиана?

В ее глазах и в голосе настороженность.

– Да...

– В школе рассказывали, что племена снабдили своих птиц железными когтями и клювами, чтобы превратить в оружие.

Никто не произносит ни слова.

– Была ли какая-нибудь из птиц полностью закована в железо?

Энтони хмурится, кривя губы.

– Закована?

– Доспехи, – поясняю я. – Полностью в доспехах.

– Доспехи для птиц? – Маттиа опирается руками, покрытыми светлыми густыми волосами, на круглый деревянный стол – клянусь, этот мужчина наполовину кабан.

Риччио ухмыляется:

– Я-то думал, единственное, что ты попробовала в Раксе, – это слюна Энтони.

Мои щеки покалывает от стыда.

– Оставь ее в покое, Риччио. И – нет. – Энтони наклоняет голову в разные стороны, шейные позвонки хрустят, как будто его тело сильно напряжено. – Только их клювы и когти были из железа.

Могла ли Бронвен назвать их железными воронами? Или я должна найти статуи, сделанные в честь смертоносных птиц?

– Кто-нибудь из них выжил?

– Те, кто выжил, слетелись в Шаббе, – говорит Риччио.

Я вздрагиваю:

– Шаббе?

– Ну, знаешь... тот крошечный остров на юге, который наш дорогой и справедливый король возжелал завоевать и сделал все или почти все ради этого. – Я так понимаю, Риччио действительно не нравится Марко.

– Я знаю все об этом королевстве.

Он кладет руку на спинку стула и поворачивается ко мне лицом.

– Правда?

– Да. Правда. Я знаю, что они дикари, которые ненавидят фейри и используют людей в качестве рабов, что побудило короля Косту воздвигнуть защитные стены вокруг их острова, чтобы защитить от них Люче. Что ознаменовало триумфальное окончание *Магнабеллума*. Великую войну между Люче и Шаббе, которая велась пять столетий назад. Знаю, что

они практикуют магию крови, которая окрашивает их глаза в розовый цвет. Я также знаю, что только женщины обладают силой.

Я обмакиваю палец в вино и провожу им по ободку своего бокала.

– Я не знала, что вороны слетелись к их берегам. – Тихий гул поднимается от стекла и пронизывает зловещую тишину. – Я понимаю, что оставаться в Люче они не могли, но почему не перебрались на восток, в Неббу? Я слышала, там невероятные леса и горы.

– Вороны отправились в Шаббе, потому что шаббины почитают животных. – Серые глаза Джианы отливали серебром в свете масляной лампы.

Мой палец застывает на середине круга. Ее откровение не заставляет меня внезапно почувствовать родство с ними, но оно заставляет усомниться в их варварстве.

Стул Риччио скрипит, когда он откидывается на него. Он вертит в руках бокал с вином, заставляя пузыриться сладкий напиток.

– Почему такой интерес к воронам?

Я вытираю мокрый палец о юбку.

– Потому что я была впервые в Раксе, и я помню, что кое-кто из людей помогал горному племени, – говорю я. – И вот я задумалась о Приманиви.

Риччио медленно кивает.

– Все те, кто помогал нападавшим, Фэллон... они пошли на дно вместе с племенем. *Буквально.*

– В смысле?

Маттиа постукивает костяшками пальцев по исцарапанной столешнице:

– После Приманиви Марко заманил несогласных на галеон, который потопил у южного побережья Люче, на кладбище лодок.

Мое сердце стучит так, что кажется, сейчас пробьет косточки корсета.

– Кладбище лодок?

Риччио наблюдает, как Джиана наполняет его бокал, и все же кажется, что он за много миль отсюда, плывет по течению Марелюче.

– Морские течения настолько дикие, что разобьют вдребезги любой корабль, который окажется в этих водах.

– Марко скормил их змеям? – задыхаюсь я от ужаса.

– Почему ты так удивлена? – Маттиа выходит из оцепенения. – Реджио всегда избавлялись от врагов таким способом.

Маттиа бросает взгляд на стену, за которой пристань. Думаю, он беспокоится, что кто-то может подслушивать, прежде чем произнести:

– Интересно, затащили бы змеи тебя в свое логово, Фэллон?

Джиана шипит:

– Не говори таких вещей, Маттиа. Даже не думай о них. – Она опускает большой палец в лужу пролитого вина, затем оставляет на его губах рубиновую каплю – традиция фейри, чтобы произнесенные слова не сбылись.

– Я знаю, все думают, что я могу зачаровывать зверей, но это неправда. – В который раз я повторяю ложь Нонны. – В тот день в канале змей напал на меня.

Маттиа тыкает в меня пальцем:

– И все же ты жива.

– Потому что он был подростком. Это единственная причина, по которой я все еще дышу. Энтони сжимает под столом мое дрожащее колено.

– Больше никаких разговоров о змеях, воронах или войнах, хорошо?

– Да, да. – Маттиа поднимает бокал.

Рука Энтони остается на моем колене, меня это не успокаивает, но, кажется, успокаивает его, поэтому я позволяю его ладони задержаться.

Пока кузены обсуждают рыбные места и женщин, Джиана исчезает на кухне, чтобы принести еду.

Хотя я стараюсь сосредоточиться на беседе, то и дело мысленно возвращаюсь к пророчеству Бронвен. Почему *пять* воронов? Могли ли они оказаться в ловушке в Люче?

Однако прошло уже более двух десятилетий. Как долго живут вороны? Котел, надеюсь, я не ищу трупы.

Я мечтаю записать все, что я узнала, но идея, безусловно, ужасная. Вместо этого я запускаю мысли по кругу в своей голове. И в какой-то момент меня осеняет мысль.

Выжившие вороны слетелись в Шаббе.

Шаббины любят животных.

Я ударяюсь коленом о нижнюю часть стола. Что, если искомые реликвии имеют отношение к Шаббе? Что, если Бронвен – шаббинка?

Энтони шепчет мне на ухо:

– Я тороплю события?

Я поворачиваюсь к нему, радуясь, что он подумал – я так реагирую на его заигрывания.

Рада, что он не пытается прочесть мои мысли.

Рада, что он не может.

Я натягиваю робкую улыбку:

– Немного.

Он целует меня в уголок губ и снова кладет руку мне на колено, где она остается до тех пор, пока взбудораженные Марчелло и Дефне не возвращаются из Изолакуори с мерцающими, как звезды, глазами.

Они принимаются описывать пир, и мое настроение портится.

Протрезвев, я встаю и шепотом желаю всем спокойной ночи.

Энтони, в свою очередь, встает и настаивает на том, чтобы проводить меня домой. Поскольку на улице все еще темно, я особо не сопротивляюсь. По правде говоря, я рада компании. Энтони, может, и не Данте, но я ему доверяю.

Пока мы прогуливаемся вдоль канала, я задаю вопрос, который не давал мне покоя в течение последнего часа.

– Я знаю, что защитные стены вокруг Люче не позволяют шаббинам проникать в наши воды, но что, если они уже здесь?

Он застывает, его пальцы на моей поясице напряжены.

– Стражи бы вышвырнули их. Магия напитывает их кровь и насильно утягивает их тела обратно.

Вот и подтверждение моей теории о том, что Бронвен – шаббинка.

Когда мы снова начинаем идти, я говорю:

– Марко должен был отправить Данте в Шаббе вместо Глейса.

Энтони хмыкает:

– Если бы он хотел смерти брата.

Я делаю глубокий вдох:

– Почему ты так говоришь?

– Потому что Коста убил дочь королевы и использовал ее кровь, чтобы создать магический барьер между их островом и остальным миром.

У меня падает челюсть.

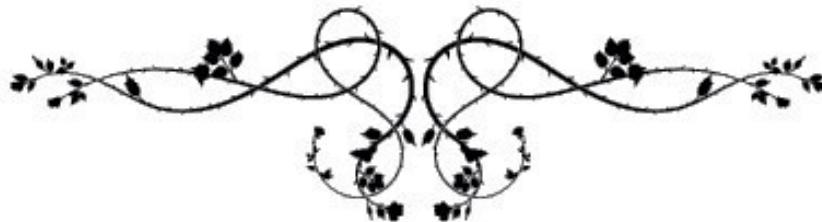
– Шаббины ненавидят Реджио так же глубоко, как Реджио ненавидят шаббинов.

В таком случае шаббины не помогут Данте завоевать трон.

Я возвращаюсь к исходной точке. Меня утешает только то, что теперь у меня в руках больше информации. Хотя пока трудно понять, как пять птиц приведут Данте к трону.

Энтони сжимает мою талию:

– Скоро придет день, когда мы помиримся.
Я хмурюсь, потому что не осознавала, что мы воюем.

Глава 11

Энтони весь вечер вел себя безупречно, так почему же мне кажется, что я изменяю принцу с этим красивым рыбаком? Потому что Бронвен заронила в меня зерно надежды, что нам с Данте суждено пожениться?

Звезды сегодня такие яркие, что цветущие виноградные лозы, вьющиеся по стенам моего лазурного дома, напоминают мишуру, которой наряжают Люче, когда выпадает первый снег, и сохраняют до первого цветения. Йоль²³ – время года, которое я люблю больше всего, и не потому, что я родилась в самый короткий день в году, а потому, что праздничный дух витает над всеми лючинцами и все сияет, даже самый темный канал.

Когда мы уже у дома, Энтони, который приобнимал меня за талию всю дорогу из таверны, проводит ладонью вверх по моему позвоночнику. Он нежно сжимает мой затылок и запрокидывает мою голову назад. В сотый раз я выталкиваю Данте из мыслей, потому что не Данте сделал сегодняшний вечер особенным.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю, ожидая, когда губы Энтони опустятся на мои, но он не целует меня, просто смотрит с таким напряжением, от которого меня бросает в жар.

Я пытаюсь прочесть по выражению его лица, о чем он думает, но он так сосредоточен, что в конце концов я сдаюсь и шепчу:

– В чем дело?

– Я все еще пытаюсь осознать, что губы Фэллон Росси прикасались к моим сегодня вечером, и не во сне, а наяву.

Мое сердцебиение ускоряется.

– Я тебе снюсь, Энтони?

– Каждую ночь с тех пор, как я вылил на тебя тарелку с рыбой.

Ах, наша первая встреча была обыденной, но в то же время с остринкой. Едва я переступила порог «Дна кувшина», как Сиб сморщила нос и указала на свою комнату на верхнем этаже таверны. Мне пришлось идти в ее ванную и переодеться.

– Это было три года назад... Конечно, я не досаждаю тебе *каждую* ночь.

– Ты не досаждаешь, а украшаешь.

Должно быть, он преувеличивает, поскольку они с Сибиллой переспали в прошлом году. Не говоря уже обо всех других женщинах, с которыми я его видела. Он не может думать обо мне, лежа рядом с ними. Даже во сне.

– Не нужно обаятельной лжи, Энтони; ты уже завладел моим вниманием.

Его кривая улыбка исчезает.

– Это не ложь.

Это потому, что я отказала ему. Трудности подстегивают одержимость. Мне это знакомо. За исключением того, что теперь, по словам сумасшедшей леди в Раксе, я *могу* заполучить Данте.

Я мысленно разбираю имя принца на буквы и выбрасываю, чтобы легкий теплый ветерок унес их от меня, затем хватаюсь за воротник рубашки Энтони и притягиваю его ближе. Он толкает меня спиной к входной двери, прижимая все твердые выпуклости своего тела ко всем мягким впадинам моего.

– Боги, что я хочу сделать с тобой, Фэллон Росси. – Он проводит костяшками пальцев по изгибу моей шеи к выступу ключицы, затем скользит ими вверх по шее, приподнимая подбородок так, чтобы наши губы оказались на одном уровне.

²³ Йоль – праздник середины зимы у древних германских народов.

От его слов у меня закипает кровь. Я хочу знать, что именно он хочет сделать. Хочу испытать все это на себе, но никак не могу привести его домой, там мама и бабушка. Стены слишком тонкие, а Энтони слишком крупный, чтобы пройти незамеченным.

Мне двадцать два, но все равно я не чувствую себя достаточно взрослой, чтобы приводить парня домой. Интересно, когда я пойму, что уже можно? Когда мне перевалит за сотню?..

Энтони упирается ладонью в деревянный косяк над моей головой и прижимается лбом к моему лбу. Тяжелый судорожный вдох спустя наши губы соединяются, и его умелый язык – ох! – заставляет меня стонать. Его бедра прижимаются к моим в медленном страстном танце, от которого тепло разливается по всему телу.

Сегодняшний вечер кажется нереальным. Нежная мечта, которая испарится, как утренняя роса, с первыми лучами солнца.

Энтони прихватывает зубами мою нижнюю губу, дразня, покусывая, как будто напоминая мне, что он настоящий. Что это действительно происходит. Что *мы* действительно происходим.

Еще одну страстную минуту спустя я отрываюсь от него.

– Энтони, мы должны...

Дверь за моей спиной открывается, и мы падаем. Каким-то чудом, и этим чудом является ладонь Энтони, мы не разбиваемся о пористые плитки.

– *Buonsera*²⁴, синьора Росси. – Шея и подбородок Энтони заливаются краской.

Нонна прищуривается, смотря на его лицо, а затем на руку, обвивающую мою талию, которую он отдергивает, как ребенок, пойманный на краже конфет из банки.

– Добрый вечер, синьор Греко.

Он проводит ладонью по лицу, словно пытаясь прикрыть румянец.

– Энтони просто провожал меня домой, Нонна. – Возможно, потому, что это моя бабушка, или, возможно, потому, что кожа Энтони в таких же красных пятнах, как кожа Маттиа, я не могу сдержать улыбки. – Не нужно устраивать ему допрос с пристрастием.

– Провожал тебя домой, говоришь? – Ее взгляд не смягчается. – У вас двоих были проблемы с поиском дверной ручки?

Моя улыбка становится еще шире.

– Мы еще не приступили к ее поискам.

Она бросает на Энтони сердитый взгляд, такой же крепкий, как чай, который она заваривает утром и вечером.

Я больше не улыбаюсь:

– Прекрати, Нонна. Энтони не сделал ничего плохого.

Внимание бабушки наконец переключается с бедняги на меня.

– Где ты была всю ночь, Фэллон? – Ее глаза такие же темные, как лес на материке, а кожа под линией ресниц более темного лавандового цвета, чем обычно.

Я поворачиваюсь к Энтони и быстро шепчу:

– Иди.

Он не уходит. Во всяком случае не сразу. Но в конце концов понимает, что это лучший, даже единственный вариант. В дверях он задерживается.

– Спасибо за сегодняшний вечер. – Он больше не краснеет. Он выглядит чрезвычайно трезвым и чрезвычайно обеспокоенным тем, что оставляет меня разбираться с бабушкой в одиночку.

– Увидимся завтра.

Еще один удар сердца в оглушительной тишине.

Второй.

А затем дверь с приглушенным щелчком закрывается.

²⁴ *Buonsera* – добрый вечер (в пер. с лючинского).

– Где ты была? – Нонна кутается в шаль, чтобы защититься от холода, который по ночам поднимается с канала.

– Я была с Энтони.

– Где?

– Мне больше не тринадцать, Нонна.

– Где?

– В таверне.

Она окидывает взглядом мою юбку.

– Я и не знала, что в таверне такая грязь.

Я задерживаю дыхание, пытаюсь придумать ложь, в которую она поверит.

– Энтони пригласил меня на свою лодку, а рыбацкие лодки не особенно чистые.

– Я не знала, что он ловит рыбу в грязи.

Я злюсь. Бабушка всегда оберегает меня, но сейчас заходит слишком далеко.

– Я не была в Изолакуори, если это то, о чем ты беспокоишься.

– В Изолакуори нет грязи, так что нет, не об этом я беспокоилась. Единственное место, где есть грязь, – это Ракс. – Тишина, которая разливается между нами, такая громкая, что давит на мои барабанные перепонки. – Скажи мне, что ты была не там.

Я могла бы продолжать лгать, поскольку никакое количество соли на моем злом языке не выдало бы обмана, но я предпочитаю правду:

– Я была. Я отправилась *туда*. И это было потрясюще. Знаешь, что еще я сделала сегодня вечером? Я поцеловала Энтони. И поскольку ты хочешь знать все о моих делах, после того как мы вернулись из земель смертных, я пошла в таверну выпить с Джианой и членами команды Энтони, прежде чем он проводил меня домой и снова поцеловал.

Рот Нонны кривится, когда я все выкладываю.

– Вот. Ты в курсе всего, что связано с Фэллон. А теперь я могу идти спать или тебе нужны подробности? – Сердце колотится о ребра, и хотя часть меня осознает, что я веду себя неуважительно, другая часть напоминает, что я имею право на личную жизнь.

– Ты спала с ним? – Бабушка так морщит лоб, что внезапно выглядит на все триста сорок семь своих лет.

– Вот уж это точно не твое дело, Нонна, но нет.

– У Энтони определенная репутация.

До этого я еще сдерживалась. Теперь же с языка срываются дерзкие слова:

– И у женщин Росси тоже. Я думаю, мы с Энтони идеально подходим друг другу. Тем более что он не принц. По крайней мере сейчас я не перегибаю палку, верно?

Я наблюдаю, как каждое мое слово отражается на бабушкином лице, затем поднимаюсь по лестнице и захлопываю за собой дверь, не заботясь о том, причинила ли я ей боль, разбудила ли мать.

Если бы только у меня были средства уехать, средства жить так, как мне нравится, а не так, как нравится всем остальным.

Я думаю об Энтони и его предложении пожениться, а затем о Бронвен и ее пророчестве. Хотя оба варианта освободили бы меня от гнета бабушки, но оба связали бы меня по рукам и ногам.

Я ненавижу то, насколько ограничен выбор у женщин. Может быть, отважиться и пересечь южные моря, сбежать в Королевство Шаббе?

Я представляю, как преодолеваю чары и причаливаю к острову розового песка.

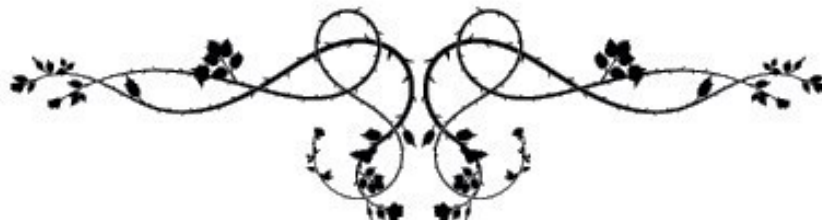
А потом вспоминаю, откуда такой цвет...

По словам моряков, часто посещающих «Дно кувшина», это гиблая земля, где белые пляжи порозовели от пролитой сто лет назад крови фейри и людей и где жители обитают в грязных хижинах, а мужчин кастрируют за самые незначительные проступки.

От этого образа у меня сводит живот, а желание сбежать исчезает. Люче, может, и далеко до совершенства, но это мой дом.

Здесь *мой* народ. Мои друзья. Мой змей.

И, может быть... только может быть... мой трон.

Глава 12

Кольца, на которых висят мои занавески, позвякивают, вырывая меня из беспокойного сна. Мелькает мысль, что это Нонна пришла обсудить нашу ссору, но тут я замечаю розовые оборки, золотые блески и эбеновую²⁵ кожу.

– Я надеюсь, у тебя была *веская* причина, чтобы бросить нас с Фебом прошлой ночью.

– Уходи, Сиб, – бормочу я, когда блики солнечного света бьют по моим зажмуренным векам. – Слишком рано.

– Не уйду.

– Почему ты меня никогда не слушаешь?

– Я тебя послушала вчера – кое-что о встрече на гондоле, – и знаешь что? Тебя. На ней. Не было.

Застонав, я открываю глаза.

– Я в курсе.

Яркий свет очерчивает скрещенные руки Сиб, обиженно надутые губы и пышное платье.

– Ты только что вернулась?

– Нет, сначала привела в порядок свою коллекцию ночных рубашек, – невозмутимо отвечает она. – Почему, во имя трех королевств, ты не пришла?

В висках покалывает, веки тяжелые.

– Потому что меня не пригласили, вот почему.

– Что ты имеешь в виду? Конечно, пригласили.

Я взбиваю обе свои тростниковые подушки и приподнимаюсь повыше, гадая, не проглотила ли она трубу перед тем, как покинуть замок, потому что ее голос особенно пронзителен.

– Тебе обязательно орать?

– Я не ору, – кричит она.

Я массирую виски:

– Должно быть, я слишком много эля выпила.

– Ты ходила куда-то выпить? Куда? Подожди, мы отклоняемся от темы. – Бодрствование всю ночь всегда придавало Сибилле дополнительную энергию. Пока ее голова не коснется подушки. Тогда она тут же проваливается в сон.

– Тебя точно пригласили, Фэл. Я спросила Данте, и он сказал, что у него есть спрайт, ответственный за отправку ленточек, и он доставил одну тебе домой.

– Ну, должно быть, у спрайта был неверный адрес.

Сибилла бросает на меня насмешливый взгляд.

– Все знают, где находится дом Росси, и поскольку неисполнение королевского приказа стоит спрайтам крыльев, ленту доставили.

– Я искала. – Я полностью проснулась. – Я везде искала, Сиб. Думаешь, я не хотела пойти?

Сибилла наконец замолкает. Судя по направлению ее взгляда, в голове у нее роится множество мыслей, и все они о женщинах, живущих под этой крышей. Или, скорее, об одной женщине, поскольку другая имеет ограниченное представление о реальности.

– Зачем ей портить твой вечер? – Голос Сиб звучит не громче моего пульса.

– Чтобы защитить меня.

– От чего?

От тоски по мужчине, намного выше меня по положению.

Я заменяю правду другой, которая представит Нонну заботливой бабушкой, а не назойливой.

²⁵ Эбеновый – темно-коричневый, почти черный цвет.

– Ты знаешь, как она относится к главе королевской гвардии.

– При чем тут твой дедушка?

Прошлой ночью я была зла на Нонну, но сейчас мне больно. Не столько потому, что она не дала мне попасть на бал, сколько потому, что заставила думать, будто общество меня отвергло. И все же я защищаю ее. Может, метод она избрала неверный, однако зла она мне не желала. Кроме того, я презираю ее – но это мое дело; когда другие презирают ее... этого я не потерплю.

Я протираю глаза, прогоняя сон, хотя мне кажется, я натираю припухшие веки солью.

– Нонна беспокоится, что он может сказать мне что-то жестокое.

– Такое бывало?

Я хмурюсь:

– Нет. По крайней мере, не мне лично. – Не сомневаюсь, что дедушка знает, как я выгляжу, как и я знаю, как выглядит он, хотя мы никогда не встречались.

Вопрос Сибиллы заставляет меня задуматься. Что, если дедушка не такой неприятный, каким Нонна его всегда изображала? Что, если он не ненавидит меня? Что, если он никогда нас не навещал потому, что она ему запрещает?

Все домыслы меркнут перед фактом: если бы у него была хоть капля любви ко мне, он бы разыскал меня. В конце концов, что это за глава, который ведет армию в бой, но боится войти в дом бывшей супруги?

Я испускаю еще один вздох и с усилием сажусь.

– Расскажи мне, как все прошло.

Сиб опускается на смятые простыни рядом со мной.

– Волшебнo. Величественно. – Ее широко раскрытые серые глаза блестят, как будто несколько блесков, украшающих ее высокие скулы, попали на ресницы. Секунду спустя ее настроение меняется: – Ужасно. Абсолютно ужасно.

Толкаю ее, потому что знаю: она лжет, чтобы я чувствовала себя лучше. Так поступают друзья.

– Я не ревную. Я сама провела довольно приятную ночь.

– Распивая эль?

– Распивая эль.

– Не одна, верно?

– Не одна. Ты же помнишь клятву соли, которую мы дали? Не пить в одиночку, пока нам не исполнится по крайней мере двести и мы не будем потрепаны с головы до ног.

Она закатывает глаза:

– Нам было девять.

– И все же, клянусь, я была не одна. Джа была со мной.

– А еще кто? Ну, то есть я люблю сестру, но она рассудительная особа.

– Джа не рассудительная.

Сибилла приподнимает бровь:

– Хм. Все, что делает моя сестра, – это работает, работает, работает. Чего у нее нет, так это общения с людьми, особенно если оно связано с выпивкой.

– Ну, она была со мной, и мы выпили.

– Эль? Ты действительно пила эль? – Сибилла морщит нос, потому что это самый дешевый сорт алкоголя, который существует в Люче, поэтому к нему относятся неодобрительно все, в ком есть хоть капля крови фейри.

– Эль – далеко не худшее, что я пробовала. Помнишь тех мягких моллюсков, которых Феб заставил нас есть?

Она давится:

– О боги, не напоминай. Подскажи, почему мы приняли его вызов?

– Чтобы он перестал мечтать о Плимео и пригласил его на свидание.

– Ах да. Ты и я... всегда такие самоотверженные.

Я смеюсь, все еще вспоминая багровые пятна на щеках пятнадцатилетнего Феба, когда он подошел к объекту своей привязанности и спросил, не хочет ли тот полюбоваться звездами на невероятно просторной крыше его родителей.

– Кто еще был на этом празднике эля, кроме моей сестры?

Я настороженно смотрю на нее. Пусть я знаю, что она не влюблена в Энтони и никогда не была, но меня охватывает чувство вины.

– Энтони, Маттиа и Риччио.

Ее ресницы взлетают высоко.

– Ага. Теперь пазл складывается. – Она склоняет голову набок и, прищурившись, смотрит на меня, как будто пытается разгадать головоломку. – Я думаю, Маттиа.

– Ты думаешь, Маттиа – *что*?

– Предполагаю, он тот, кто вызвал этот румянец на твоих щеках и оставил этот засос на твоей шее.

Я кладу ладонь на участок кожи, на который она красноречиво пялится.

– Не Маттиа.

Уголки ее рта дрогнули.

– Риччио? – От моего отрицательного кивка ее улыбка увядает. – Энтони. Вот ведь дамский угодник.

– И *ты* переспала с ним.

– Половина Люче переспала с ним, и это только потому, что другая половина – мужчины, а Энтони не по этой части. – После паузы она добавляет: – К огромному сожалению Феба.

– Я не понимаю, почему он мне не может нравиться. Или ты ревнуешь? В таком случае я отступлю.

– Милая, я совершенно не ревную. – Она похлопывает меня по ноге. – Можешь накормить меня солью, я не вру.

– Я тебе верю. – Я сгибаю колени и подтягиваю ноги к груди, раздраженная тем, что, как и Нонна, моя лучшая подруга не поддерживает меня. – Я знаю, что у Энтони есть определенная репутация, но я не вижу ничего плохого в том, чтобы воспользоваться его навыками.

Сибилла вздыхает:

– Потому что ты, моя дорогая Фэллон, привязываешься, и я знаю, что он предложил тебе брак, но он никогда не выполнит обещание.

– Я не хочу выходить за него замуж.

– Ты хочешь сказать, что не против стать еще одной зарубкой на столбике кровати этого человека?

– Да, – рычу я раздраженно. И устало. Но в основном раздраженно.

После секундного молчания она выдыхает:

– Хорошо.

– Хорошо – что?

– Хорошо, я поддержу твое решение.

– Ты моя лучшая подруга. Ты обязана поддерживать все мои решения, даже самые ужасные.

Сибилла ложиться поперек кровати на спину, выгибается и вытягивает руки над головой.

– Да-да.

Я встаю.

– А теперь расскажи мне все до мельчайших подробностей об этом празднике.

Сибилла ничего не упускает, и к концу ее рассказа я чувствую себя так, словно присутствовала на балу лично, зажата между ней, Фебом и тысячами других очаровательных фейри.

Не отрывая взгляда от зеркала над комодом, я спрашиваю:

– Ты, случайно, не видела, дворец не украшают никакие статуи птиц?

– Статуи птиц?

Хотя волнистые волосы уже в полном порядке, я продолжаю их расчесывать.

– Кто-то упомянул красивую статую, ты ведь знаешь, как сильно я люблю животных...

– Не видела ни одной, но нас загнали на лужайку в саду, там буквально были сотни фейри на квадратный сантиметр и столько же спрайтов. Я могла не заметить украшения.

Сибилла редко чего-то не замечает. По крайней мере не раньше, чем выпьет третий бокал вина фейри. Похоже, статуя ворона, которую я ищу, не выставлена в садах, значит... она где-то в замке.

Я думаю о людях, которые могли бы о ней знать.

Бабушка?

Точно не могу спросить ее.

Катон?

Я мысленно перебираю придворных, кто мог бы помочь: дедушка, кто-то из венценосных особ либо, что еще хуже, Нонна.

Я откладываю щетку для волос. Нужен кто-то, кто бывал в личных покоях короля.

– Катриона...

– Ты слышала? Такая пошлость.

– Слышала – что?

– Что она не отлипала от Марко. – Она морщит нос.

Я хмурюсь, потому что Сибилла никогда раньше не осуждала куртизанку.

– Это ее работа.

Сибилла переворачивается на живот и приподнимается на локтях.

– Да, но это была церемония его обручения. Бедная невеста была так подавлена, что мне захотелось обнять ее, а ты знаешь, как сильно я ненавижу обнимать незнакомцев.

– Я не имела в виду прошлую ночь, но согласна, это довольно пошло. – Нареченной Марко придется привыкать к этому. Мимоходом я задаюсь вопросом, изменял бы Данте когда-нибудь своей нареченной, но от этого у меня сводит желудок, поэтому я отбрасываю мысль подальше.

– Отдаю должное Эпонине. Она сохраняла спокойствие. – Сибилла вздыхает, устремив взгляд в безоблачное голубое небо. – Подумать только, женщины мечтают выйти замуж за королей. Их ждет жалкая жизнь.

– Нет, если брак по любви.

Она искоса смотрит на меня.

– С каких пор монархи женятся по любви?

Они этого не делают, но скоро все изменится.

Может быть.

Я расправляю плечи.

Никаких «может быть». Это *изменится*, когда я стану королевой рядом с Данте.

Она закатывает глаза.

– Ты читаешь слишком много книг.

– А ты читаешь слишком мало.

Колибри пронесется перед окном, чтобы утолить жажду на нашей глицинии, махая крыльями так быстро, что кажется, будто тело висит в воздухе. Я вспоминаю о железных воронах, которые изменяют мою жизнь.

– Я живу – ты мечтаешь, – говорит Сибилла.

Потому что мечты безопасны, а жизнь... ну, а жизнь – нет. И станет еще менее безопасной, как только я начну собирать реликвии, способные свергнуть короля.

– Сиб, если бы кто-то дал тебе ключ, чтобы открыть дверь, открыть которую ты всегда мечтала, что бы ты сделала?

Между ее тонкими черными бровями появляется небольшая вертикальная борозда.

– Я бы сначала постучала.

– Это гипотетическая дверь.

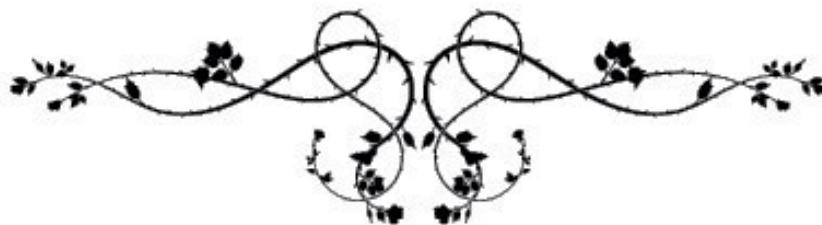
– Тогда я бы гипотетически постучала.

Я не уверена, как применить ее совет.

Узнать больше о железных воронах?

Единственный способ получить доступ к Великой библиотеке на Тарекуори – это уколоть палец о веретено у входа и оставить отпечаток в книге регистраций.

Я могу сколько угодно злиться на Нонну, но не нарушу данное обещание не оставлять следов моей странной крови.

Глава 13

Я вытираю бокалы, когда в «Дне кувшина», вальсируя, появляется Катриона, одетая в новое платье цвета морской волны с рукавами-крылышками, ниспадающими с плеч. Она видит, как я разинула рот, и медленно поворачивается.

– Любезно предоставлено нашим величеством. Вместе с этими красавицами. – Она откидывает светлые волосы, открывая серьги-каффы, украшенные сапфирами. Украшения сужаются к точке над округлым кончиком уха, создавая иллюзию пиков.

Я не спрашиваю, что она сделала, чтобы заслужить такие подарки, поскольку уже знаю, но она все равно рассказывает мне, не упуская ни единой детали. Муха в спальне Марко была не так хорошо осведомлена об анатомии и предпочтениях короля.

Кстати, о мухах...

– Мне всегда было интересно, как выглядит спальня монарха?

Ее глаза сверкают так же ярко, как и серьги.

– О, это нечто прекрасное. Потолок – стеклянный купол, через который видно небо, а стены выложены зеркальной плиткой, и ты чувствуешь себя парящей в небе. И его ванная комната. Боги, я влюблена в его ванную комнату. В ванной проточная вода, которая течет из труб.

Я чуть не пошутила по поводу того, что Катриона знакома со всеми трубами Марко, но вовремя прикусила язык. Еще не время для колкостей.

– У него есть картины? Или статуи? – спрашиваю я.

– Карта королевства. Количество земель, которыми он управляет, впечатляет. Ты знала, что Тареспация в четыре раза больше Тарелексо и Тарекуори, вместе взятых?

– Нет. Но теперь я знаю. Что-нибудь еще? – Я протираю один и тот же стакан, но Катриона слишком погружена в свои мысли, чтобы это заметить.

– Насколько я помню, нет.

Итак, воронов нет в личных покоях короля. Еще одна область, которую нужно вычеркнуть из моей карты сокровищ.

Катриона моргает, выходя из транса.

– Почему ты не пришла?

– Я потеряла ленту.

– Ты... – Булькающий смех срывается с ее губ. Потом до нее доходит, что мне не смешно, и она успокаивается. – Мне жаль. Это обидно.

Я скриплю зубами, мой гнев на Нонну снова разгорается. Ее не было дома, когда мы с Сибиллой уходили, но я твердо намерена поговорить с ней после смены.

Катриона тербит пальцами заостренные кончики своих сережек.

– Так ты осталась одна дома?

– Нет. Я встречалась с друзьями, которые не получили приглашений.

– Как милосердно с твоей стороны. – Она зевает, показывая, что она думает о моем милосердии.

Если только она не устала.

Предпочитаю думать, что это усталость. Я не отрываю взгляда от стакана, который вытираю.

– Ты вчера видела Данте?

– Да. Он вел себя наилучшим образом. К тому же присутствовала принцесса Глейса.

– Какое отношение имеет к нему принцесса Глейса?

– Он ухаживает за ней, глупышка. Она выглядит холодной. И бледной. Так отвратительно. Можно подумать, что на севере не светит солнце.

Прежде чем я успеваю оторвать челюсть от столешницы, дверь таверны распаивается, и входит Энтони, балансируя поддоном, доверху набитым рыбой вперемешку со льдом. Он находит меня взглядом, и тут же на его губах появляется улыбка.

– Фэллон. Катриона. – Он здоровается с обеими, но смотрит только на меня.

Он обходит бар и идет на кухню, чтобы отнести добычу матери Сибиллы, которая была по локоть в луке и чесноке, когда я заходила в последний раз.

Катриона смотрит на вращающуюся дверь.

– Твое пламя обжигает, *micara*.

– Что?

– Энтони чуть не врезался в стену вместо двери. Марко задал кучу вопросов о тебе. И Сильв... – Ее глаза широко раскрываются. – Твоя девственность цела?

От ее слов меня бросает в жар, впрочем, больше я думаю, почему король расспрашивает обо мне. Мы даже никогда не встречались.

– А как ты собираешься заработать золотую монету?

Мое сердце бьется от напряжения под корсетом. Золотая монета покроет арендную плату за квартиру по крайней мере на год.

– Даже три, если король в деле... – размышляет Катриона вслух.

Я отставляю стакан.

– А как можно заработать?

– Сделав то, что я сделала восемьдесят два года назад.

Мой пульс учащается, потому что, мне кажется, я знаю, к чему она клонит.

– Что ты сделала?

– Я продала на аукционе свою девственность.

– Ты... – Я морщу нос и качаю головой: – Нет. Я бы никогда не смогла.

Энтони выходит из кухни, воздух наполняется ароматом перламутровой чешуи и жгучестью нарезанного лука. Он подходит ко мне, я думаю, что он собирается обнять меня за талию, но его цель – раковина.

Он опускает руку в таз, полный мыльной воды, затем берет кусок мыла и растирает его между ладонями.

– Что ты задумала, Катриона – умелые ручки?

Ее указательный и средний пальцы взлетают вверх, плотно сжатые, вульгарный жест, популярный среди полукровок и людей.

– Не твое дело, Энтони.

– Если это имеет отношение к Фэллон, это мое дело.

Моя спина напрягается, потому что поцелуй не дает ему права считать меня «его делом».

Он вынимает кухонную тряпку из моей мертвой хватки, чтобы вытереть руки.

– Я серьезно, Катриона. Не развращай ее.

Она фыркает:

– Неожиданно слышать это из уст того, кто переспал с большим количеством людей, чем я, и чья работа – это... *рыбалка*. – Она берет обжаренный с розмарином грецкий орех из миски, которую я только что наполнила, и отправляет в рот. Тщательно прожевав, она добавляет: – И не для товарищей по постели.

Энтони и Катриона сердито смотрят друг на друга, и я на мгновение задумываюсь, были ли они когда-то любовниками, но выбрасываю это из головы, потому что предпочитаю не знать правду.

Шум с пристани просачивается в таверну и пробивается сквозь стену напряжения, воздвигнутую вместо деревянного бара.

– Вот ты где! – Феб проводит рукой по светлым локонам, низко сдвинув брови над сверкающими изумрудными глазами.

Что называется, вовремя.

– Вот я где.

Он хватает из миски горсть грецких орехов.

– Мы с Сиб провели всю ночь в поисках... – Его голос стихает, когда Энтони переплетает свои пальцы с моими.

Я не сжимаю его ладонь, но и не отстраняюсь.

– Мы продолжим с того места, на котором остановились, когда в таверне будет не так многолюдно, – говорит Катриона и прихватывает еще один орех, затем заворачивается в шелк цвета кобальта и поднимается по деревянной лестнице, которую я недавно вымыла, потому что один из детей Флоры *снова* заболел, а Сибилла легла вздремнуть.

Энтони заправляет прядь волос мне за ухо.

– Во сколько ты заканчиваешь?

– Я не знаю.

Феб забрасывает орешки в рот, зачарованно наблюдая за нами.

– Не важно. Я договорился встретиться тут с Маттиа и Риччио, как только мы закончим с поставками. – Я отрываю взгляд от своего друга и останавливаю его на Энтони, который воспринимает это как приглашение наклониться и поцеловать меня. У его губ вкус соли, солнца и греховных обещаний. Я так нервничаю, что не могу расслабить ни губы, ни тело. Даже мое сердце, кажется, окаменело.

Я прижимаю ладони к его груди, быстро отрываясь.

– Не здесь.

– Прости. – Он проводит мозолистым большим пальцем по моему подбородку, прежде чем отступить. – Увидимся позже, синьорина Росси.

Феб оборачивается и смотрит, как мужчина уходит, ухмылка щекочет уголки его рта.

– Вот и разгадка, почему Фэллон нас бросила. Расскажешь. А-б-с-о-л-ю-т-н-о в-с-е. – Ему удастся пропеть даже согласные звуки.

– Не по этой причине я не пришла. – Жар приливает к лицу. – Он не причина.

– Ну да.

– Я клянусь. Я подумала, что не получила ленту, надо было как-то это пережить.

– В постели с Энтони?

Я хватаю орех и бросаю в его ухмыляющееся лицо.

– Заткнись.

Он перестает посмеиваться надо мной и произносит серьезным тоном:

– Почему ты думаешь, что не получила ленту? Ты среди тех, кого Данте любит.

Я пожимаю плечами:

– Репутация Росси и все такое.

– Должен сказать, Данте был *очень* расстроен. – Феб оглядывается через плечо на окна, выходящие на пристань, выражение лица у него напряженное, что для него несвойственно. – И он, вне сомнений, расстроится еще больше, когда узнает, как ты провела эту ночь. – Кончики его ушей торчат из-под прилизанных волос. – Я обожаю петушинные бои, но то, что ты затеваешь, Пиколина²⁶, мне не нравится.

Я закатываю глаза.

– Ты опять забыл, что мы одного возраста, Фебс?

– Я тебя так называю, потому что ты маленькая.

– Я не маленькая. Ты просто необычайно высокий.

Мы обмениваемся улыбками, но его слова оседают на нас, как облака, вечно покрывающие горы.

²⁶ Picolina – малышка/крошка (в пер. с лючинского).

– У них нет причин драться из-за меня.

– Разве нет?

– Энтони и я... у нас несерьезно. Мы целовались, больше ничего. А Данте... Ну, я слышала, он имеет виды на принцессу.

Феб фыркает:

– Во имя долга. Поверь мне. Между ними не было никакого притяжения. Не так, как между вами. – Он прожевывает еще орешек. – Я должен попросить у тебя совета, так как мне еще только предстоит покорить сердце мужчины своими поцелуями.

– Возможно, потому, что ты целуешь их ниже пояса, а сердце выше

Феб усмехается:

– Моя любимая девственница только что грязно пошутила?

– Перестаньте все упоминать мою девственность!

– Не знаю, о чем ты. Кто эти *все*?

– Катриона предложила мне продать ее на аукционе.

Феб не доносит орех до рта.

– Она говорит, – продолжаю я, – что я могла бы получить пару золотых монет. – Я прикусываю нижнюю губу, представляя, насколько проще была бы жизнь, имея я деньги.

– Нет.

– Нет – что? Я не стою так много?

– Ты стоишь гораздо больше, но это к делу не относится. Ты потом пожалела бы об этом. – Помолчав, он добавляет: – Если тебе нужны деньги, мой кошелек – твой кошелек.

– Твои родители лишили тебя их.

– Но они не сменили замок ни на своих дверях, ни на своем сейфе. Ты бы видела, сколько золота они хранят. И не только в виде монет.

– Фебс, я никогда не смогла бы взять деньги твоих родителей. – Я протягиваю руку и сжимаю его ладонь. – Но спасибо.

Я перевожу разговор с темы моей девственности и финансов на его нынешнего приятеля, фейри по имени Меркуцио, который не очень богат, но компенсирует это другими своими умениями. Благодаря их с Сиб и Катрионой болтливости, когда придет время, я буду точно знать, как и что надо делать.

– То, что дано, не считается взятым, – бросает Фебс, прежде чем покинуть таверну. – Просто имей в виду.

Моему разуму требуется мгновение, чтобы понять, что он говорит не о сексуальных актах.

Мне неприятно признавать, что я испытываю искушение занять у него денег, но, к счастью, он уходит прежде, чем я успеваю поддаться искушению.

Но, боги, это безостановочно крутится у меня в голове, становясь громче, чем шум таверны. Становится так громко, что я добровольно отправляюсь в подвал, место, которого обычно стараюсь избегать, ведь я не любительница тесных сырых помещений.

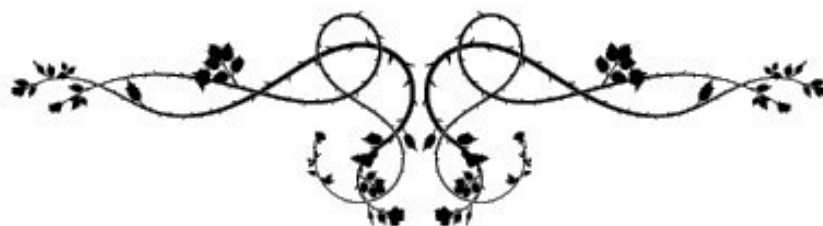
Прижимаю ладони к вискам. Как только чувствую, что преодолела искушение, хватаю бочонок с вином.

– Вы прячетесь от меня, синьорина Росси?

Мое сердце дергается в такт с моим телом, а бочонок выскальзывает из рук и с тревожным стуком падает на пол. Каким-то чудом пробка остается на месте, а древесина не трескается. Чего не могу сказать о собственном спокойствии.

Я наклоняюсь, чтобы поднять бочонок.

– Зачем мне прятаться от одного из моих самых близких и старейших друзей?

Глава 14

– Твой *друг*? Вот я кто для тебя? – Данте стоит у входа в погреб, скрестив руки на груди. Он в белом военном мундире, позолоченный воротник расстегнут, длинные косы перекинуты через плечо. Золотые бусины, вплетенные в темную копну, преломляют свет, исходящий от единственной масляной лампы.

Он впивается в меня своими голубыми глазами, которые очаровывали меня с того дня, как тарекуоринские девочки толкнули меня на глазах у всего класса и я упала на колени. Он не только помог мне собрать книги, но и предложил свою руку, помогая подняться, и защиту. Никто никогда больше не толкал меня, но это не значит, что надо мной вообще прекратили издеваться.

– Я ждал тебя всю ночь на моем одиноком крошечном троне.

– С принцессой под боком. Я бы вряд ли назвала тебя одиноким.

– Алёна – просто друг. Марко желает союза с севером, и поскольку Эпонина из Неббы, а он может жениться только на одной женщине, он хочет, чтобы я ухаживал за другой. Вот и все.

Поднимая бочку, произношу:

– Как насчет того, чего хочешь ты?

– Я принц, Фэл. Мои желания стоят на втором месте после моих обязанностей.

Вот только я не хочу быть второй женщиной.

– Но прошлой ночью между нами ничего не произошло.

Мое грохочущее сердце сотрясает вино в бочке.

– А что было до прошлой ночи?

– Меня не было четыре года. – Его кадык скользит вверх и вниз по горлу, а затем он отталкивается от дверного косяка и вырывает бочонок из моих рук. Я использовала все десять пальцев, а он зацепляет бочонок двумя. – Которые ты не можешь использовать против меня. Особенно учитывая, что ты работаешь в борделе.

– Это таверна, Данте.

– Это еще и бордель. – Он вздыхает. – У тебя были свои приключения, у меня были свои. Давай оставим прошлое в прошлом.

Я сосредотачиваюсь на щетине, покрывающей его подбородок, чтобы он не заметил боль в моих глазах. Я могу пересчитать свои приключения по пальцам одной руки – одного пальца достаточно, – в то время как ему, несомненно, нужно больше двух рук.

– Послушай, я пришел сюда не для того, чтобы ссориться. Я пришел сюда, потому что скучал по тебе вчера и беспокоился, не случилось ли чего. Почему ты не пришла?

– Я потеряла ленту.

Если он и понимает, что я лгу, то не заостряет на этом внимание.

– Тебе хотя бы понравилось платье?

Мое внимание переключается на него.

– Ты... – Я облизываю губы, чтобы прогнать изумление, которое вот-вот должно было вырваться наружу. Я собираюсь снова солгать, а что мне еще делать? Если я сознаюсь, что не получила его подарок, будут неприятности – либо у меня, либо у Нонны, либо у его крылатого посланника.

– Ты не получила его?

– Нет, я... Получила. Оно великолепно.

– Фиолетовое, как твои глаза.

– Точно. Ты цвет как будто наизусть запомнил.

– Верно, наизусть, но платье было не фиолетовым, а золотым. Как насчет того, чтобы ты сказала мне правду без использования соли?

Я морщу нос, чувствуя себя пауком, попавшим в свою же паутину.

– Я ничего не получила.

– Почему ты солгала?

– Потому что подумала, что бабушка, возможно, скрыла от меня и то, и другое.

Слова Бронвен звенят в голове: *Ты здесь, потому что пришло время.*

Могла ли *она* избавиться от моего платья и ленты? Я даже не рассматривала такую возможность. Ярость закипает в груди. Если за этим стоит слепая женщина, то Котел бы побрал ее и ее дурацкую охоту за сокровищами. Пусть сама отправляется на поиски своих дурацких воронов.

Но затем я напоминаю себе: птицы – мой шанс стать королевой Данте, и это заглушает мое негодование. Возможно, Бронвен работает не против меня. Вот бы только она выбрала другой вечер, чтобы вмешаться в мою жизнь.

Данте наблюдает за игрой эмоций, которые волной пробегают по моему лицу.

– Дай мне шанс тоже поучаствовать в разговоре, который ты ведешь сама с собой.

– Я размышляла вот о чем: возможно, бабушка ни при чем во всей этой истории.

Его рот кривится.

– Я прикажу отрубить крылья моему спрайту, если он забыл...

– Пожалуйста. Нет. Не наказывай никого. Это в прошлом. – Я кладу руку ему на плечо, ощущая под ладонью мышцы, их столько, что они кажутся лозами глицинии. – Кроме того, это была всего одна ночь. Теперь, когда ты дома, у нас будет и другая. Много других.

Мое обещание улучшает его настроение, но портит мое собственное. Пророчество это или нет, но если Данте узнает, что прошлой ночью я целовалась с другим мужчиной, он пожалеет, что прислал мне платье. На кончике языка вертится признание, но прежде чем я успеваю выдать страшные слова, его свободная рука ложится мне на спину и губы Данте прижимаются к моим.

Затхлый подвал исчезает, и я переносусь на четыре года в прошлое, в тени Тарелексо, где этот же мужчина, тогда еще мальчишка, прикоснулся своими губами к губам, которых никто другой не касался.

Новый поцелуй кажется знакомым и в то же время другим. Мое сердце гоняет кровь с такой силой, что мои соски мгновенно твердеют, и я боюсь, что они порвут платье и проткнут шелковую рубашку Данте.

Я обвиваю руками его шею, провожу ладонями по горячей коже и подергивающимся мышцам под ней. Язык Данте проникает в мой рот, касается моего собственного, требовательный и резкий, он захватывает каждый темный уголок, как будто этот мужчина напоминает мне, что он мой принц и все в Люче принадлежит ему, включая мое тело.

– Ой. Я... – Голос Джианы возвращает меня в сырой подвал с низким потолком.

Я скрыта от ее взгляда фигурой Данте, несмотря на это, я не осмеливаюсь пошевелиться. Я благодарю всех наших богов за его рост и стать, хотя, вероятно, я должна благодарить его родителей. Но я не питаю особой любви к его матери, которая считает, что круглоухие не заслуживают никакого уважения, поэтому благодарность нашим божествам кажется более уместной.

– Прошу прощения, что прерываю, *Altezza*. Мне нужно вино.

Мои щеки пылают. Данте улыбается, довольный тем, что его обнаружили, или, возможно, он улыбается, потому что гордится тем, что заставил мое тело так ярко отреагировать. Я все еще надеюсь, что Джиа решит – Данте целовался с какой-то другой женщиной, но затем он сдвигается в сторону, чтобы передать бочонок, который все еще у него в руке, и у меня нет времени скрыться за деревянный стеллаж.

Серые глаза Джианы останавливаются на мне, в них столько упрека, что у меня все внутри сжимается. Я хочу сказать, что не я первая начала, но она уже поднимается наверх с вином. Я закрываю лицо и опускаю голову.

– Эй... – Данте скользит рукой по моему запястью, чтобы погладить по щеке. – Я знаю, что ты на работе, но я принц. У тебя не может быть неприятностей из-за поцелуя с принцем.

Меня охватывает такое мучительное чувство вины, что я не могу заставить себя открыть глаза и посмотреть на него.

– Если она будет тебя ругать, – он гладит меня по скуле большим пальцем, – я отрежу ей язык.

Я широко распахиваю глаза, воздух застревает в горле.

– Данте, – шиплю я. – Нет. – Я качаю головой, одновременно стряхивая его ладонь.

– Я не потерплю, чтобы кто-то причинил тебе боль, Фэл. Словами или действиями.

– Джиана никогда не сделает мне больно.

– Я видел, как она посмотрела на тебя.

– Она мне как сестра, Данте. Заботливая и обеспокоенная.

Он наблюдает за мной из-под опущенных ресниц, его глаза больше похожи на пролитые чернила, чем на полуденное небо.

– Ну, ее беспокойство неуместно, потому что я никогда тебя не обижу.

– Ты принц. *Принц*. А я... я круглоухая девушка с другой стороны канала. Это то, что она видит. Это то, что видит мир.

Он опускает подбородок ближе к шее.

– Ты та девушка, с которой я хочу проводить свои ночи, Фэллон.

Сердце учащенно бьется, и я больше не чувствую вины. Что, если Бронвен не предвидела, что я выйду за него замуж, но каким-то образом заставляет его желать меня?

– Ты упомянул ночи, – говорю я. – А как насчет дней? Разве ты не хочешь провести их со мной?

Он снова вторгается в мое пространство и запускает длинные пальцы в мои волосы.

– Я не упомянул дневное время, потому что оно заполнено работой.

– Значит, не потому, что твой брат и мой дедушка не одобрили бы? – *Или из-за твоей принцессы?*

– Мне не нужно их одобрение, Заклинательница змей. – Он убирает прядь волос с моей щеки, затем целует меня еще раз. – Я нужен во дворце сегодня вечером и на следующей неделе, но как только я освобожусь от своих королевских обязанностей, я заберу тебя. – Он отступает назад. – И я хочу, чтобы ты надела свое новое платье.

Интересно, наверху ли Энтони, и если да, то говорила ли с ним Джиа.

– Фэллон?

Я скрываю свою вину под лучезарной улыбкой, потому что мне уготован трон, а не рыбацкая лодка, и Данте предназначен мне, а не заграничной принцессе.

– Просто скажи мне, где и когда, и я буду готова.

Данте улыбается:

– Я буду отсчитывать часы до нашей новой встречи. Минуты. Секунды.

Мое сердце колотится в груди, когда он, подмигивая, отступает. Я чувствую себя такой порочной. Прокручиваю в голове все, что произошло, и то, что осталось сделать: мне предстоит ужасный разговор с Энтони. Я собираюсь быть прямолинейной и честной. Он не сможет использовать мои чувства к Данте против меня.

Кроме того, я никогда не давала ему никаких обещаний.

Прокручивая в голове варианты, я наконец возвращаюсь в зал.

Пришло время.

Слова Бронвен снова звенят в моей голове, усиливая мой и без того бешеный пульс.

Если он устроит мне свидание в замке и я найду статую птицы...

Мысль о том, что кто-то управляет моей судьбой, скорее пугает, чем утешает. Тем более что предсказывать будущее – это не сила фейри, а у людей сил нет вовсе.

Из какого подземного мира Бронвен?

Глава 15

– Хорошо провела вчерашний вечер, Берил? – Лорд, чью тарелку я забираю, гладит упругий зад Берил, усаживая ее к себе на колени.

– Разве не у всех так, синьор Аристид? – Она настолько привыкла флиртовать, что ее яркая улыбка выглядит искренней.

У этого мужчины дурная репутация, но он хорошо платит, так что никто не жалуется.

– Ты же не собираешься пойти по стопам Катрионы и повысить цену после свидания с королевской особой, не так ли?

Я медленно складываю грязную посуду, подслушивая, но прежде чем успеваю подумать об этом, выпаливаю:

– Ты тоже была с королем Марко?

Аристид переводит взгляд на меня:

– Эта красавица ускользнула с принцем.

Столовые приборы, которые я собираю, со звоном падают на тарелку. Данте упомянул, что беспокоился обо мне, но когда именно он волновался? Когда спал с Берил или развлекал свою принцессу?

Лорд ухмыляется:

– Мне кажется, служанка ревнует, Берил.

Я представляю, как протыкаю его. Вилкой. В щеку.

Берил покусывает кончик его длинного носа.

– Оставь ее в покое, Аристид.

Он зарывается лицом в ее декольте, срывая смех с ее темно-розовых губ. Она смотрит на меня и одними губами произносит: «Прости».

За что? Что переспала с Данте или за непристойности Аристида?

– Наслаждаетесь представлением, синьорина Росси? – Голос лорда приглушен ее смазанной маслом кожей.

Я стараюсь с себя оцепенение и ухожу, прежде чем он разобьет мою гордость вдребезги. Грусть поглощает меня целиком, и мои глаза щиплет так сильно, что я не отрываю их от пола. Я так сосредоточена на том, чтобы сдержать слезы, что чуть не врезаюсь в посетителя, входящего в таверну.

Конечно, это Энтони, кто же еще.

Он поддерживает меня с такой нежностью, что мне хочется схватить его за руку и вытащить из таверны. Я хочу отгородиться от мира и раствориться в нем. Новая волна вины захлестывает меня, потому что я его использую, стало быть – я не лучше остальных в этом зале.

Маттиа и Риччио входят вслед за Энтони и приветствуют меня, но я слишком напряжена, чтобы ответить. Сглотнув, я указываю им на три пустых места в баре и уношу стопку грязных тарелок на кухню.

Вместо того чтобы немедленно вернуться, я остаюсь на кухне. Мне нужна минутка.

Или десять.

Мне нужно собраться с эмоциями и разобраться в своих мыслях.

Родители Сибиллы работают в четыре руки, наполняя тарелки и помешивая в кастрюлях. Они действуют слаженно, словно танцуют, два столетия супружеской жизни идеально настроили их друг на друга.

Зрелище завораживает, я не осознаю это, но узел в животе ослабевает.

Марчелло приподнимает густую бровь:

– Там все в порядке, Фэллон? – Хотя он имеет право отрастить волосы до плеч, я всегда видела его только коротко подстриженным. В отличие от Дефне, которая постоянно играет с длиной волос и внешним видом.

– Все отлично. Я могу здесь чем-то помочь?

Марчелло и Дефне обмениваются взглядами, потому что я обычно держусь подальше от кухни, мне не очень нравится смотреть, как выщипывают перья голубям или измельчают мясо животных. Один только запах крови заставляет мои внутренности сжиматься.

– Не нужно, милая. Мы со всем разобрались. – Дефне улыбается мне, ее зубы сверкают белизной на фоне смуглой кожи, которая на несколько тонов темнее, чем у ее мужа.

Я собираюсь взять лопатку и сунуть ее в кипящий котел, чтобы показать, какой полезной я могу быть, когда Джиана врывается с пустым блюдом для запеканки. Она опускает его в таз с мыльной водой и закатывает рукава, но я отталкиваю ее и хватаюсь за блюдо раньше нее.

– Я помою посуду, – восклицаю я.

Она поджимает губы, затем смягчается и шепчет:

– Ты не можешь прятаться здесь всю ночь.

– Я не прячусь.

– Фэллон...

Мой затылок покалывает от пристальных взглядов ее родителей, наш тихий диалог, очевидно, не остался незамеченным.

– Когда ты перестанешь *не прятаться*, иди отдохни. Ты не отдыхала с тех пор, как пришла.

– Нет необходимости в перерывах. – Мои ступни кричат о том, что мне определенно нужно сесть, но я не думаю, что смогу усидеть на месте, даже если бы попыталась. Я бы вышла на пирс перевести дыхание, и Энтони бы точно вышел за мной, а я больше не уверена в нем, я вообще больше ни в чем не уверена.

Джиана качает головой и покидает душную кухню с блюдом, наполненным мягким сыром, виноградом и дымящимся хлебом на закваске.

Я скребу тарелки до тех пор, пока кожа не становится сморщенной, а пальцы не начинают болеть и больше нечего чистить, потому что огонь под плитами погас.

– Хочешь поговорить? – спрашивает Дефне, беря с полки чистую тряпку, чтобы помочь мне вытереть всю посуду, которую я выложила на поддон для высыхания.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

– Как вы поняли, что Марчелло – тот самый?

Взгляд ее серых глаз скользит по мне, пока я сливаю воду в ведра, которые Марчелло вынесет на улицу и выльет в корыто для использованной воды на острове, чтобы огненный фейри, дежурный по отходам, мог ее очистить.

– Наши мечты совпали. И он меня рассмешил. И до сих пор пытается рассмешить при каждой возможности.

Я почти прокусываю щеку.

– И он каждый день говорит мне, что я самая красивая женщина в королевстве. Глупо, я знаю, но я чувствую себя особенной.

– Это не глупо. Это достойно восхищения. – Благодаря Данте я чувствую себя красивой. И много улыбаюсь. И наши мечты определенно совпадают с тех пор, как он пересек канал, чтобы быть достойным трона, и я вроде как согласилась собирать железные реликвии, чтобы быть рядом с ним.

– Но что еще важнее, Фэллонина, у нас с Марчелло нет секретов друг от друга.

Мне действительно нужно научиться контролировать выражение лица, чтобы перестать выставлять напоказ все свои мысли.

– А теперь отправляйся домой. Я собрала кое-какую еду для твоей матери и Цереры. Передай обеим привет от меня и скажи Церере, чтобы она как-нибудь зашла. Я не видела ее целую вечность.

– Передам. – Я неохотно складываю влажную тряпку и кладу ее на деревянный островок, беру блюдо с крышкой и толкаюсь бедром в распашную дверь.

В обеденной зоне стало поспокойнее, но далеко не тихо, обедающие уступили место пьющим. В дальнем конце таверны играют в карты, постоянные посетители снуют вверх и вниз по лестнице, каждый рука об руку со своей любимой проституткой.

Я смотрю в сторону бара в поисках Энтони, но нахожу только Маттиа и Риччио, которые выпивают и болтают с Сибиллой. Мой желудок сжимается от нервов. Покинул ли он таверну или только столовую? Я смотрю в потолок. Если бы он поднялся наверх с девушкой, это означало бы, что он принял решение быть вдали от меня.

– Он на причале, бросает камни в канал. – Джиана проносится мимо меня с подносом, уставленным пустыми стаканами. – Ты первая девушка, которой он по-настоящему заинтересовался.

– Пожалуйста, не надо, Джиа. Я и так чувствую себя ужасно.

– Я не хотела, чтобы ты чувствовала себя хуже, Фэллон. Мне просто грустно за него.

Морщась, я бормочу:

– Мне не следовало его целовать.

– О ком мы говорим?

Честно говоря, я не совсем уверена.

Наша приглушенная беседа привлекает внимание Сибиллы, и она подходит.

– Что я пропустила?

– Ничего, – бормочу я.

Сибилла закатывает глаза:

– Разумеется.

– Спасибо за приглашение остаться на ночь, но я собираюсь отправиться домой.

Сибилла смотрит на меня из-под черных ресниц:

– *Домой*, да?

От ее намека лицо Джианы застывает. Она хватается наполненный кувшин и уходит.

– Что ее гложет?

– Ты же знаешь, как мы обе относимся к Фебу? Вот так она относится к Энтони.

Сибилла хмурится.

Я киваю на одну из толстых деревянных балок, которые удерживают таверну настолько вертикально, насколько это возможно на острове, разрушенном сильными приливами и ветрами.

– Данте поцеловал меня.

– Четыре года наза...

– Сегодня. Он застал меня врасплох в подвале и поцеловал, а потом пригласил на свидание.

Ее ресницы взлетают к бровям.

– Что? Почему я слышу об этом только сейчас? О... – Ее рот округляется. – Так вот почему Энтони был не в настроении.

– Я не думаю, что он знает.

– Ну, тогда... *merda*.

Да, *дерьмо* кажется подходящим словом.

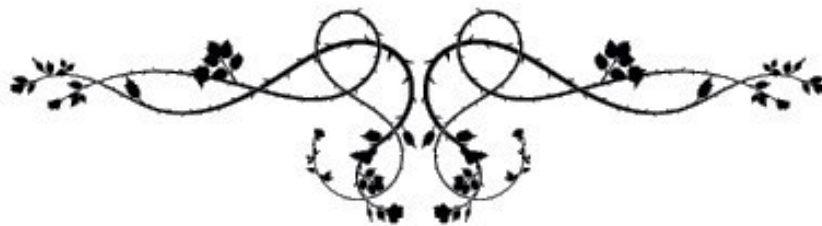
– Есть какие-нибудь мудрые слова?

– Мне нечем тебе помочь, детка, но я могу держать тебя за руку, пока ты решаешь, кто тебе больше нравится.

Она бы так и сделала.

Я обнимаю ее одной рукой и желаю спокойной ночи, расправляю плечи и выхожу в залитую звездным светом темноту, напоминая себе, что это не обман – не было дано никаких обещаний и не произнесено никаких клятв.

Так что, по правде говоря, у меня нет причин злиться на Данте или врать о моей связи с Энтони.

Глава 16

Энтони сидит на причале у лодки, поставив ботинки на корму. Его спина выпрямляется, когда я приближаюсь. Как он чувствует мое приближение, остается загадкой, потому что я бесшумно ступаю по пирсу.

– Больше не прячешься от меня, Фэллон?

Его замечание возвращает меня мыслями в подвал, где Данте задал мне тот же вопрос. Вот только от него я не пряталась.

– Да.

Энтони оглядывается через плечо, приподняв брови. Я так понимаю, он не ожидал откровенности. Я ставлю блюдо с едой и сажусь рядом с ним.

Мое исчезновение приглушило блеск его глаз.

– Почему?

Я наблюдаю, как огромный желтый змей извивается под рядом лодок, распугивая стаю уток, которые крикают и кричат, выпрыгивая из иссиня-черного моря.

– Данте приходил повидаться. – Я прикусываю нижнюю губу. – Он поцеловал меня, а потом пригласил на свидание.

С меня хватит секретов. Энтони, может, и не любовь всей моей жизни, но, возможно, и Данте тоже.

Пророчество-шморочество.

Краем глаза я замечаю тень, пробегающую по лицу Энтони.

– Он даже не пригласил тебя на праздник.

Я наконец смотрю в его сторону.

– Он пригласил, но бабушка спрятала ленту, чтобы я не ходила. – Я до сих пор не уверена, она ли это сделала, но я не могу рассказать Энтони о Бронвен, поэтому озвучиваю очевидное. – Я ответила ему «да».

Зрачки Энтони сужаются до точек.

– А про нас ты ему сказала?

– Нет. Он не спрашивал.

– А если бы спросил?

– Я бы сказала. Мне нечего стыдиться. Особенно учитывая... учитывая... – Мой голос превращается в страдальческий хрип.

– Все, что мы сделали, – это поцеловались?

– Нет. Я имею в виду, да. Но это не то, о чем я думала.

Энтони обнимает меня за талию и прижимает к себе. Я кладу щеку на его плечо, которое кажется таким теплым и твердым, таким успокаивающим и безопасным.

– Учитывая, что он спал с Берил? – Его шепот так же тих, как ветер, который треплет свернутые паруса раскачивающихся лодок.

Я поднимаю голову с его плеча:

– Ты знаешь?

– Не так много секретов остаются секретами в «Дне кувшина».

– Боги, Энтони, как же я наивна, – хриплю я.

– Ни разу не слышал, чтобы ты ругалась. – Он проводит мозолистой подушечкой большого пальца вниз по моей обнаженной руке к сгибу локтя, затем обратно вверх. – Ты не наивная, Фэллон. Ты юная мечтательница.

Во мне растет решимость. Я хочу переехать, чтобы доказать Нонне, что я взрослая женщина, но у взрослой женщины есть жизненный опыт. Что у меня есть, кроме сентиментальных мечтаний и нереалистичных ожиданий?

– Избавь меня от этого.

Он перестает гладить мою руку.

– Что, прости?

– Избавь меня от наивности. – Когда он хмурится, я добавляю: – Переспи со мной, Энтони. Покажи, от чего я отказывалась. Научи, как отличить любовь от секса.

Он убирает руку с моей руки, откидывает голову, медово-коричневые завитки высвобождаются из пучка, нежно касаясь квадратной челюсти.

– Я тебе не какой-нибудь бессердечный жиголо, Фэллон. У меня есть чувства.

– Я не это имела в виду. Я хотела сказать, ты делал это миллион раз и никогда ни к кому не привязывался.

– Может быть, привязался.

– Правда?

Он поджимает губы, давая мне ответ, который он, кажется, не хочет признавать. Внезапно он вскакивает на ноги, очевидно, наш разговор закончен.

Со мной закончено.

Это больно, хотя я этого заслуживаю.

Его челюсть напрягается, кулаки сжаты.

– Ты хочешь знать, каково это – трахаться, тогда давай потрахаемся.

Глава 17

Это искушает. Я готова это признать.

Даже после таких резких слов это искушает.

Но в глубине души я не хочу, чтобы мой первый раз случился из-за гнева и ревности, и так же я не хочу, чтобы это было с Энтони. Мы с Данте, может, и не встречаемся, и я, может, не так уж много значу для него, учитывая его окружение, но он кое-что значит для меня и моего глупого сердца.

Энтони и Данте, может, и способны отделить желание тела от веления сердца, но я не могу.

– Полагаю, это значит нет. – Резкие движения плеч Энтони выдают его разочарование, когда он запрыгивает на свою палубу. Прежде чем исчезнуть за дверью, что ведет в одноместную каюту внизу, он кричит: – Он разобьет тебе сердце!

Может быть. Предпочитаю верить, что он этого не сделает. Я предпочитаю верить, что он пока развлекается с другими женщинами единственно из-за того, что думает – я ему *этого* дать не смогу.

– Какое тебе дело до моего сердца, Энтони?

Его пальцы на ручке, дверь приоткрыта. Его спина напрягается.

– Ты права. Никакого. Мы уже это выяснили, так ведь?

Его обида тяжела. Тяжелее только то, что я ее причина.

– Все, что меня волнует, – это рыба и киска.

– Не говори так. Это неправда. Тебя волнует не только это, и однажды ты найдешь кого-то достойного всей твоей любви.

Взгляд его голубых глаз встречает мой.

– Я желаю тебе того же.

Хотя это звучит по-доброму, эти прощальные слова – жестокое напоминание, что он не считает Данте достойным моей любви.

Он скрывается в своей каюте и захлопывает дверь с такой силой, что лодка раскачивается из стороны в сторону. Я поднимаю лицо к россыпи звезд, сияющих над Люче, и жду, когда жжение в моих веках и горле утихнет.

Это было правильное решение.

Если бы Данте не вернулся домой... если бы Бронвен не рассказала о нашем запутанном будущем, я, возможно, поддалась бы очаровательному рыбаку. Но Данте дома.

Прежде чем подняться, я наклоняюсь и опускаю руки в воду. Желание скользнуть под ее толщу звенит в моем мозгу.

По рукам пробегает рябь, и я моргаю, потому что думаю... Я думаю...

Высовывается чешуйчатая розовая морда, затем длинная шея с белым «воротником».

– Какое ты странное создание.

Минимус обнюхивает мою ладонь в поисках угощения, и я смеюсь. Я чешу у него под щекой, затем снимаю крышку с горшка и отрываю стебель лука-порея. Я протягиваю его змею, и он выхватывает лук у меня из пальцев.

Он издает радостный дребезжащий звук, от которого по воде пробегают волны, а спинные чешуйки змея приглаживаются сами по себе.

Оглядев пирс и удостоверюсь, что никто меня не видит, я глажу напоследок змея, затем выпрямляюсь, поднимаю горшок Дефне и иду на юг к первому из шести мостов, которые нужно перейти, чтобы добраться до моего острова.

Ступая вдоль воды, я замечаю мерцание чешуи. Минимус следует за мной, как всегда, будто охраняет. Может быть, так оно и есть. А может, ему просто нравится в моем обществе. Какова бы ни была причина, я благодарна змею за компанию.

На полпути домой я минуя гондолу, заполненную фейри, распеваящими непристойные песни. Один из них предлагает проводить меня до дома, и я отказываю, зная, что галантность не входит в намерения фейри. Он спрашивает снова, его голос становится громче. И снова я говорю «нет».

Из-за моего отказа он обзывает меня как-то особенно отвратительно.

– Жирный тупица, – бормочу я себе под нос, желая, чтобы вода забурилась вокруг его лакированной лодки и перевернула ее.

Когда образуются волны, я замираю.

– Что за клятый подземный мир? – бормочет мужчина, хватаясь за борта лодки вместе с остальными своими теперь уже молчаливыми друзьями. – Ты только что использовала магию, *scazza*?

Разве? Я смотрю на свои руки: голубых искр на ладонях нет, но, может, они пробежали раньше?

Ответ приходит секундой позже, когда длинный розовый хвост шлепает по воде рядом с лодкой, толкая ее к набережной.

О Минимус. Я нежно улыбаюсь ручному змею. Но потом один из мужчин обнажает кинжал, а другой – тот, кто навязывался проводить меня, – поднимает покрытые огнем ладони.

Гнев захлестывает меня так стремительно, что я подумываю прыгнуть в канал, дабы отпугнуть Минимуса, но перед глазами стоит цвет лица Нонны в тот день, когда я связалась со своим зверем. Лючинцы могут подозревать мою связь с морским змеем, но наверняка не знают. Если я прыгну сейчас – все раскроется, и только боги знают, к чему это приведет.

Во дворец, – шепчет тихий голос в моем сознании.

*Santo Caldrone*²⁷. Бронвен устраивает этот хаос, чтобы удержать меня на верном пути?

Минимус снова хлопает по лодке, и дерево трещит. Двое безоружных карабкаются вверх по насыпи, как пауки, в то время как огненный фейри и его вооруженный спутник остаются позади.

Человек с кинжалом замахивается. Глиняный горшок выскальзывает у меня из рук и падает к ногам.

Шум отвлекает его, и мне хватает времени, чтобы схватить башмак и запустить им ему в голову. Человек с кинжалом сталкивается с огненным фейри, заставляя стрелять пламенем в сторону, а не в Минимуса. Мой змей исторгает леденящий дух вопль, который пронзает меня до самого сердца.

Кинжал торчит из щеки Минимуса, как злобная ракушка, так близко к глазу, что я рычу, будто лезвие рассекло мое собственное лицо.

– Ты сумасшедшая пустышка! – кричит на меня огненный фейри.

Я осматриваю свой разбитый горшок и бросаю самый большой осколок в визжащего осла в канале.

– Клайд, позови стражу! – рывкает тот спрайту, одетому в такой же красный шелк, как и он сам.

Еще один крик, на этот раз не такой громкий, сковывает меня изнутри. Несмотря на то что вода темная, я вижу, как Минимус извивается, пытаясь вытащить нож из своей щеки. Опасаясь, что он только загонит его глубже, я забираюсь на перила и прыгаю.

Нонна убьет меня, если только король не опередит ее.

²⁷ Santo Caldrone – святой Котел (в пер. с лючинского).

Мое тело натывается на стену холода, ноги тонут, как зубочистки в песке, а юбка вздымается куполом медузы, и я бью по ткани, чтобы прижать ее к телу. Потом я приоткрываю глаза и кручусь вокруг себя в поисках Минимуса.

Его длинное тело мелькает рядом, все еще спазматически дергаясь. Я касаюсь шеи змея, и он шипит. Мое сердце подскакивает к горлу. Когда его глаза встречаются с моими, он наконец перестает двигаться и становится похожим на водоросли.

Жгучие водоросли.

Я сжимаю кинжал одной рукой, другой хватаюсь за рог змея и дергаю. Кинжал падает на илистое дно, в воде появляется еще больше крови, и раздается новый пронзительный крик.

Я бы хотела излечить рану, но у моей слюны, в отличие от змеиной, нет магических свойств. Боги знают, я пыталась после происшествия на рынке. Единственное, чего добилась, – заставила Сибиллу и Феба заподозрить, что меня ударили головой при рождении.

Минимус обвивается вокруг меня, пока я глажу его спинные плавники и радуюсь, что кинжал не задел глаз.

Скоро мне понадобится воздух, но, пока мои легкие не иссякнут, я буду обнимать это странное животное. Я так хочу защитить его от жестокости людей и установить мир между нашими видами.

Когда жжение в легких становится невыносимым, я выныриваю на поверхность, и умный зверь тянет меня к берегу. Но прежде чем мы прорываемся сквозь прибой, я отталкиваю змея. Он не уходит. Я снова толкаю его. Он остается.

Я пытаюсь произнести «*Уходи*», и мой рот наполняет соленая вода. Но я сжимаю губы и толкаю. Глаза змея, черные от века до века, пристально смотрят в мои. Он, должно быть, чувствует мои мучения – наконец ослабляет кольца своего тела и отворачивается.

Молясь, чтобы он не понял неправильно, почему я заставила его уйти, я выныриваю, отплевываясь. Платье снова пузырится, и я его приглаживаю, подплывая к набережной напротив той, где меня оскорбил свино-фейри. Я добираюсь до вмурованной в каменную стену лестницы и, перебирая руками, взбираюсь по ней.

Выбравшись на сушу, я сплевываю и стряхиваю соль и выжимаю воду из волос. Оглядываясь через плечо, вижу военное судно, пересекающее канал в нашу сторону. Волосы Катона развеваются как белый флаг и светятся, как и его глаза. Спрайт отпрыгивает от сержанта и несется обратно к своему хозяину.

– Эта девушка напала на меня! – заявляет огненный фейри. Уши у него длинные, с них свисают рубины размером с ноготь моего большого пальца. Еще больше красных камней сверкает в его каштановых волосах длиной до пояса, камни украшают жилет, который он носит поверх расстегнутой белой рубашки. Этот фейри, без сомнения, из высокой знати.

Лодка Катона плавно останавливается между нами.

– Почему она напала на вас, маркиз Тимей?

Значит, я схлестнулась с маркизом. На одну ступень ниже герцога. На две ступени ниже королевской семьи.

– *Почему?* – маркиз выпучивает янтарные глаза. – Ты имеешь в виду *как*?

– Нет. Я имею в виду *почему*. Почему девушка напала на вас?

– Потому что чистокровный назвал меня шлюхой, – фыркаю я.

Голова Катона поворачивается ко мне. Он бросает на меня взгляд, который заставляет меня поджать губы.

– Тебя следовало бы избить за твою дерзость, – рявкает маркиз.

– А тебя следовало бы... – Прежде чем я успеваю произнести слово «*кастрировать*», Катон выкрикивает мое имя.

Он поворачивается обратно к дворянину, который неотрывно смотрит в мою сторону.

– Как она напала на вас, маркиз?

– Запустила башмаком, – бормочу я, в то время как Тимей ревет:

– Натравила своего ручного змея!

Страх сжимает мое горло.

– Что? Нет... я ... – Если он потребует, чтобы Минимуса казнили, я найду стальной кинжал и смогу пронзить черное сердце маркиза. Сдерживая гнев, прежде чем он заведет меня в еще большие неприятности, я говорю: – У меня нет ручного змея.

– Фэллон! – Мое имя, произнесенное Катонем, звучит так же резко, как ветер.

– Фэллон. Конечно... – Острый подбородок маркиза приподнимается. – Рыночная крыса, также известная как Заклинательница змей.

Мои пальцы сжимаются в кулаки.

– Я пропитана солью, Тимей. – Я намеренно опускаю его титул. – Я никак не могу лгать. – Я облизываю губы, делая вид, что вкушаю еще больше минерала правды, который на самом деле только усилил мою ложь. – Я признаюсь, что ударила дворянина башмаком, потому что он пытался покалечить невинное морское существо. Прости, если я забочусь о зверях больше, чем о людях.

– Коварная дрянь. – Румянец маркиза становится темно-бордовым.

– Воздержитесь от клеветы, маркиз! – ревет Катон.

– Она назвала меня...

– Чистокровным. – Челюсть Катона напряжена, я вижу биение нерва. – Вряд ли это оскорбление.

– Я требую, чтобы о ее преступлении немедленно доложили королю!

Катон молчит, все еще борясь со своим гневом, из-за чего его черты обостряются. Он очень, очень зол на меня, но это ничто по сравнению с тем, как отреагирует Нонна, когда услышит о моем полуночном заплыве.

– Клайд! – Спрайт Тимея подпрыгивает. – Отправляйся в Изолакуори и доложи...

Катон поворачивается к мужчине:

– Вашему спрайту отрубят крылья, если он проникнет во дворец, не получив аудиенции.

Спрайт отскакивает с шипением, и эхо разносит его по каналу.

Тимей скрещивает руки на груди.

– Моя лодка серьезно пострадала. Мои шелковые подушки промокли в промозглой воде канала. Я ожидаю, что она покроет все расходы.

На этот раз шиплю я:

– Я ничего не делала с вашей лодкой.

Тимей прищуривается:

– У тебя голубые глаза, девочка. Не притворяйся, что не использовала свою магию, чтобы заставить змея напасть на меня.

– У меня нет магии. – Я убираю мокрые волосы с лица, чтобы он мог увидеть форму моих ушей. – Я не чистокровная, как вы, сэр.

– Полукровки владеют магией.

– Не все из нас.

– Ну, ты кое-что сделала. Я не врезался в насыпь из-за...

– Ты сам использовал магию.

– Чтобы защитить себя! Что позволено. Кроме того, как все заметили, я чистокровный маркиз, и у нас есть право использовать магию так, как нам заблагорассудится.

Катон вздыхает:

– Фэллон...

– Клянусь, я не использовала магию.

– Независимо от того, сделала ты это или нет, *scazza*, я хочу, чтобы король услышал о том, что ты предпочла паразита своему ближнему. И я требую два золотых за замену обивки и починку поврежденного корпуса.

Я бледнею, потому что у меня нет таких денег. О боги, во что я вляпалась?

Я осматриваю затемненные дома и мощеные улицы в поисках обожженного лица с молочными глазами. *Пожалуйста, Бронвен, поддержи. Пожалуйста, помоги.*

Но здесь лишь Катон, который начал торговаться с дворянином о цене ремонта и снизил сумму до одного золотого. Ни один слепой прорицатель не вмешивается, чтобы спасти меня.

После того как сумма оговорена, Катон направляет свою лодку ко мне и жестом приглашает меня сесть.

– Я могу пойти...

– Залезай сейчас же, Фэллон. – Его лицо и тон голоса подобны камню.

Тимей наблюдает за мной, скрестив руки поверх своей дорогой одежды. Вырез на ней такой глубокий, что он сам выглядит как шлюха. Я удивлена, что он не потирает ладони.

В тот день, когда я стану твоей королевой...

Бросив на него взгляд, в котором, надеюсь, отражается все мое презрение до последней капли, я принимаю протянутую Катонем руку и запрыгиваю в лодку.

– Куда мы? Во дворец или ко мне домой? Знаешь что? Давай во дворец. – Я бы предпочла встретиться лицом к лицу с королем, чем с бабушкой.

Уголок рта Катона приподнимается.

– Убери улыбку. Я знаю, что она и тебя пугает, – бормочу я.

Катон фыркает.

Пугает и завораживает его.

На мгновение я задумываюсь, какой была бы жизнь с мужчиной в доме. Не просто с мужчиной... с Катонем.

Неплохой, решаю я.

Если бы только у Катона хватило смелости пригласить ее на свидание... Но, при его молодости и положении, сомневаюсь, что Нонна приняла бы его ухаживания.

Я прикусываю щеку изнутри и надеюсь, что она скормила мое подаренное платье океану, чтобы мне было чем бить, когда она разъярится. А она разъярится. Надеюсь, ее гнев не заставит лозы глицинии разрушить стены нашего дома, потому что, как бы сильно я ни любила смотреть на небо, мне нравится иметь крышу над головой.

Размышления о разваливающихся домах приводят меня к мыслям о Тимее, а от него – к мысли о Катрионе и растущей стоимости за девственность.

– Маркиз уточнил, сколько времени у меня есть для выплаты долга?

– Я взял на себя смелость договориться о ежемесячных платежах.

– Из...

– Из десяти серебряных монет.

Мои глаза распахиваются.

– Десять серебряных монет в месяц? Я получаю две в таверне. – И на одну покупаю еду, а другую откладываю на случай чрезвычайных ситуаций вроде ремонта дома или починки одежды и обуви.

Кстати, об обуви... Я смотрю на свои босые ноги, понимая, что башмаки, которые я потеряла сегодня вечером, были моей единственной парой.

Слова Катрионы проносятся у меня в голове, одновременно заманчивые и отвратительные. В конце концов отвращение к возможности потерять невинность с каким-то незнакомцем побеждает возможный соблазн. Я отказала Энтони не для того, чтобы в итоге раздвинуть ноги для кого-то кроме Данте.

Но что, если Данте предложит самую высокую цену?

Вслед за этой мыслью приходит отрезвляющая: что, если самую высокую цену предложит командор? О, с какой радостью этот мужчина причинил бы мне боль и унизил меня.

Я не могу так рисковать. Не говоря уже о том, что сама мысль, что Данте заплатит мне за секс, – невыносима. Как я могу стать кем-то, достойным быть королевой, его королевой, если веду себя как изгой?

Я никогда не думала о воровстве, но не представляю, как смогу заработать десять серебряных монет в месяц. Полагаю, я могла бы найти вторую работу.

– Сколько зарабатывают солдаты? – я размышляю вслух.

– Женщины не могут быть солдатами.

– Верно. Потому что мы идем на поводу у наших прихотей.

Катон косится на мое промокшее платье.

Отлично.

– Признаю, что сегодня вечером я действовала немного импульсивно, но по крайней мере я действовала. Можешь ли ты представить, как я использую эти стремительность и мужество в бою?

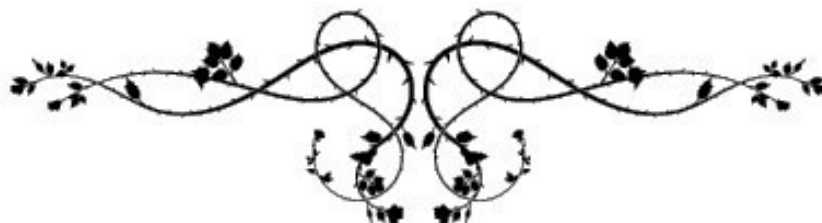
Катон с трудом сдерживает улыбку:

– Мне было бы жаль армию противника.

Я ухмыляюсь:

– И твоих товарищей по батальону.

Улыбка становится шире, но затем тает, потому что мой голубой дом находится в пределах видимости и здесь не так темно, как должно быть этим поздним вечером.

Глава 18

Когда гондольер причаливает судно, Нонна – все еще в своем дневном платье под шалью – выглядывает из окна гостиной.

Боги, она ждала меня.

Нонна беззвучно шевелит губами, замечая меня, а затем у нее словно перехватывает дыхание при виде беловолосого фейри, помогающего мне выбраться из лодки. Она закрывает окно и отворачивается, пристыженная, разочарованная.

Она спрятала ленту и платье, – говорю я себе.

Может, я и навлекла на нее позор, но она первая навлекла его на меня.

Я расправляю плечи, обходя дом, чтобы добраться до входной двери. Шаги эхом отдаются позади меня. Я останавливаюсь и пристально смотрю на Катона:

– Ты следишь за мной, потому что не уверен, переступлю ли я собственный порог, или боишься, что Нонна задушит меня своими лозами?

– Ни то, ни другое.

– Тогда...

– Давай продолжим разговор внутри.

Я вздыхаю:

– Ты намерен участвовать в разговоре...

Он кивает, и мы молча тащимся дальше.

Я с удивлением обнаруживаю, что входная дверь распахнута, а бабушка ждет там.

Ее руки все еще скрещены на груди, губы все еще поджаты, но глаза блестят, и мой гнев утихает. Нонна никогда не плачет, так что это не могут быть слезы, и все же... И все же ее ресницы слиплись, а кожа такая же белая, как волосы Катона.

– Я приготовлю чай. – Она идет на кухню. Ее спина, что всегда оставалась прямой, как мачта корабля, сгорблена, плечи ссутулились. Не оборачиваясь, она бросает: – Пожалуйста, скажи, что ты споткнулась и упала в канаву.

Я морщу нос:

– Неужели от меня так ужасно пахнет?

Она ставит чайник на слабый огонь, но так и не поворачивается к нам.

– В какие неприятности попала моя внучка, Катон?

Его вздох достаточно выразителен, чтобы заставить Нонну обернуться.

– Кое-что случилось, но, надеюсь, это можно будет разрешить с помощью денег.

– Надеюсь? – Ее голос нехарактерно бесцветен.

– Фэллон прыгнула в канал, потому что компания фейри напала на змея.

Нонна закрывает глаза. Я чувствую, как ее губы произносят мое имя, хотя она и не говорит его вслух.

– Они также называли меня шлюхой, Нонна. Вот почему Мин, то есть змей, напал на них.

– Мин?

Я прикидываюсь дурочкой и накручиваю мокрый локон на палец.

– Хм?

– Это тот самый змей, которого ты кормишь и с которым играешь, когда возвращаешься домой ночью?

Мои пальцы замирают на полпути, и я, разинув рот, смотрю на Нонну.

– Катон осведомлен о вашей... дружбе.

Я плююсь на него, затем снова на Нонну:

– Я не знала, что тебе известно об этом.

– Гокколина, – вздыхает она, – я изображаю недалекость, только чтобы не ссориться с тобой.

– Только этот змей? – спрашивает Катон. – Или у тебя есть еще друзья-змеи?

– Только Минимус. – Я прижимаю ладонь к губам. Это всего лишь имя, но мне кажется, я только что дала Нонне и Катону власть над моим зверем. Что, если они используют ее, чтобы позвать его? Что, если они... – Пожалуйста, не причиняйте ему вреда.

Чайник свистит, будто прорезая напряженную атмосферу.

Нонна заливает водой смесь из сухих веточек и желтых лепестков, затем несет заварник к столу и ставит две кружки. Намек, что Катону пора уходить? Она наливает чай в обе и подталкивает одну сержанту.

По-видимому, нет.

Другую кружку она оставляет себе.

Наверное, я сегодня не заслуживаю чая. Я слишком гордая, чтобы просить, и поэтому иду к лестнице.

– Сядь, Фэллон. – Голос бабушки заставляет меня напрячься.

Я жестом указываю на стол:

– Я предположила, что меня не пригласили на чаепитие.

– Это не так. А теперь сядь.

Хотя это последнее, что я хочу делать, я выдвигаю стул и грациозно плюхаюсь на него.

Нонна ставит передо мной еще одну кружку. В ней вода такого коричневого цвета, как будто из канала. Я нюхаю ее. Пахнет так же.

– Сначала выпей это, а потом я дам тебе что-нибудь вкусное.

Я не упускаю из виду хмурый взгляд Катона. У меня, несомненно, такой же.

– Это вредно?

– Не для тебя.

– Это не обнадеживает.

– Выпей. – Она скользит на сиденье напротив Катона, ее шаль спадает с плеч.

– Кого из тарекуоринских фейри ты разозлила?

– Птолемея Тимея. – Катон обхватывает длинными пальцами изящную ручку кружки – одной из немногих вещей, которые Нонна привезла из своего предыдущего дома.

– О Гокколина...

Я так понимаю, он знаменит в Люче.

– Этот мужчина – свинья, Нонна. Или нет, беру свои слова обратно. Это несправедливо по отношению к свиньям.

Катон фыркает.

Нонна – нет.

– Он может быть отвратительным, но он могуществен, а мы нет. – После паузы она спрашивает: – Ты упомянул деньги. Он хочет, чтобы ему заплатили за его молчание?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.